

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана:
уголовно-правовая оценка и совершенствование правовой регламентации»

Обучающийся

Д.А. Лепилов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, П.А. Кабанов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Общая характеристика хищения чужого имущества или приобретение права на него путем обмана как социально-правового явления	7
1.1 Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за хищение чужого имущества, совершаемого путем обмана, и необходимость повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с ним	7
1.2 История развития уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за мошенничество	15
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика хищения, совершаемого путем обмана.....	22
2.1 Объективные признаки хищения, совершаемого путем обмана	22
2.2 Субъективные признаки хищения, совершаемого путем обмана....	32
2.3. Квалифицированные составы мошенничества	39
Глава 3 Вопросы квалификации хищений, совершаемых путем обмана, и совершенствование правовой регламентации ответственности за данные виды преступлений	49
3.1 Вопросы квалификации отдельных видов мошенничества	49
3.2 Совершенствование правовой регламентации ответственности за хищение чужого имущества или приобретения права на него путем обмана.....	60
Заключение	66
Список используемых источников и используемой литературы.....	69

Введение

Актуальность научной работы по проблематике хищений обусловлена многогранными причинами, которые можно разделить на несколько категорий.

Во-первых, социально-экономические. Высокая распространенность хищений: кражи, мошенничество, коррупция и другие виды хищений являются распространенными преступлениями как в развитых, так и в развивающихся странах. Хищения наносят огромный ущерб экономике, снижая прибыль компаний, увеличивая затраты на безопасность и страхование, подрывая доверие к бизнесу и финансовым институтам. Хищения могут подрывать социальное доверие, усиливать бедность и неравенство, а также приводить к нарушению общественного порядка.

Во-вторых, юридические. Постоянное изменение законодательства в сфере уголовного права, в том числе и в области борьбы с хищениями, требует от юристов и правоохранительных органов постоянного совершенствования своих знаний и практических навыков. Новейшие технологии и методы криминалистики позволяют более эффективно раскрывать хищения и устанавливать лиц, причастных к их совершению. Существующие проблемы в работе правоохранительных органов (коррупция, недостаток ресурсов, низкая квалификация персонала) могут приводить к неэффективности борьбы с хищениями.

В-третьих, научные. Существующие научные исследования в области хищений не всегда охватывают все аспекты проблемы, в частности, не уделяют достаточно внимания социальным и психологическим причинам хищений, а также методам их профилактики. Развитие технологий и цифровизация приводят к появлению новых форм хищений (киберпреступность, финансовое мошенничество), которые требуют отдельного исследования. Эффективная борьба с хищениями требует

координации усилий юристов, социологов, психологов, экономистов и других специалистов.

Важность исследования хищений чужого имущества или приобретение права на него путем обмана заключается в том, что она касается основных проблем современного общества и требует комплексного подхода к ее решению. Научная работа на эту тему может внести значительный вклад в развитие теории и практики борьбы с преступностью, а также в повышение эффективности работы правоохранительных органов.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие при совершении хищения чужого имущества или приобретение права на него путем обмана.

Предмет исследования – уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за хищения чужого имущества или приобретение права на него путем обмана.

Цель работы – рассмотреть хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана, выявить основные проблемы и предложить пути совершенствования правовой регламентации.

Данное исследование направлено на решение нескольких ключевых задач:

- изучение социокультурного и правового контекста уголовной ответственности за мошенническое хищение с целью повышения эффективности правовых мер борьбы с этим преступлением;
- исследование исторического развития правовой базы, регулирующей мошенничество. Исследование также позволит выявить объективные признаки мошеннического хищения и проанализировать субъективные аспекты мошеннического поведения.
- определить наиболее серьезные формы мошенничества и охарактеризовать новые виды мошеннической деятельности;

- наконец, в ходе исследования будут предложены направления по совершенствованию законодательства об ответственности за мошенническое завладение имуществом или правами.

Методология. При написании работы использовались следующие методы научного познания: метод анализа и обобщения, логический, исторический, формально-юридический методы исследования.

Новизна исследования заключается в выявлении новых форм мошенничества, возникающих в условиях цифровизации и развития технологий, что требует пересмотра существующих подходов к его профилактике и расследованию. Исследование направлено на анализ современных методов борьбы с имущественными преступлениями, с особым акцентом на использование искусственного интеллекта и машинного обучения для предотвращения мошенничества в реальном времени. Особенностью данного исследования состоит в проведении сравнительного анализа законодательства разных стран в сфере борьбы с интернет-мошенничеством и предложении практических рекомендаций по улучшению правовых механизмов защиты граждан и бизнеса.

По результатам исследования были выделены следующие положения, выносимые на защиту:

- эффективность уголовно-правовой борьбы с хищением чужого имущества, совершаемым путем обмана, напрямую зависит от учёта социально-правовых факторов, обуславливающих его совершение, и предполагает комплекс мер, включающих совершенствование законодательной базы, повышение квалификации правоохранительных органов, а также развитие профилактических и реабилитационных программ.
- объективные признаки хищения, совершаемого путем обмана, представляют собой совокупность деяний, направленных на незаконное завладение чужим имуществом, характеризующихся целенаправленным введением потерпевшего в заблуждение

относительно фактических обстоятельств, существенных для принятия решения о передаче имущества, что влечет за собой реальное лишение потерпевшего владения этим имуществом и приобретение его виновным. При этом, важность каждого признака (введение в заблуждение, лишение владения, приобретение имущества виновным) определяется в контексте совокупности всех признаков, а анализ способа обмана и степени влияния на волю потерпевшего позволяет дифференцировать хищение путем обмана от смежных составов преступлений.

- необходимость разработки более детальной методики квалификации мошенничества, учитывающей специфику различных видов преступлений, таких как мошенничество в сфере кредитования, страхования, жилищных отношений, в сфере информационных технологий и др. Это включает в себя разработку критериев, позволяющих дифференцировать мошенничество от смежных составов преступлений (например, присвоения, растраты, вымогательства, злоупотребления доверием).

Решение проблем конкуренции норм о мошенничестве может быть связано с внесением определенных изменений в действующее законодательство, либо посредством более подробного и детального толкования анализируемых уголовно-правовых норм высшей судебной инстанцией.

Структура магистерской диссертации обусловлена целью и задачами исследования, состоит из введения, трех глав, семи параграфов, заключения, списка используемых источников и используемой литературы.

Глава 1 Общая характеристика хищения чужого имущества или приобретение права на него путем обмана как социально-правового явления

1.1 Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за хищение чужого имущества, совершаемого путем обмана, и необходимость повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с ним

В науке уголовного права принято классифицировать хищения на две основные группы преступлений, связанных с хищениями: корыстные хищения и корыстно-насильственные. К последней группе принадлежат разбойные нападения и грабежи. Доля корыстно-насильственных преступлений, по нашему мнению, является ключевым составляющим общественного благополучия, то есть чем больше таких преступлений, тем более криминогенным становится положение. Это означает, что уровень правовой культуры и нравственных показателей максимально снижен. А преступники готовы на все, не заботясь о том, что их личность будет установлена или о том, что они, совершая хищение, причиняют вред жизни и здоровью потерпевшим, и другим лицам. Поэтому, рассматривая культурно-нравственные детерминанты хищений, следует подчеркнуть, что люди, идущие на такие преступления, перестают ощущать себя частью общества, пренебрегают всеми социальными нормами, а вместо них выдвигают свои собственные, нередко преступные.

В таких условиях, снижен уровень правовой культуры, преобладает правовой нигилизм, а девиантность становится типичным фактором нерешенных социальных проблем.

Хищение путем обмана наносит ущерб не только жертвам, но и обществу в целом, подрывая доверие и безопасность. В современном обществе, основанном на рыночных отношениях, хищение путем обмана

создает неравенство, нарушает правила честной конкуренции и подрывает экономическую стабильность. Обман, используемый при хищении, наносит моральный и психологический ущерб жертвам, формируя чувство незащищенности и недоверия. В разных обществах отношение к хищению может быть разным, но общественная опасность этого преступления всегда высока.

Уголовное право всех стран предусматривает ответственность за хищение путем обмана в виде различных составов преступления, например, мошенничество. Полиция и следственные органы ведут борьбу с хищениями путем обмана, выявляя и пресекая преступления.

Необходимость законодательного регулирования возникает в ответ на социальные факторы, обуславливающие возникновение правонарушений. В частности, правовые механизмы, разработанные в целях предотвращения и пресечения хищений путем обмана, являются следствием объективных потребностей общества в защите имущественных интересов граждан и юридических лиц.

Согласно нормам уголовно-процессуального законодательства России, судебные решения, которые уже вступили в законную силу, включая приговоры, а также решения гражданских, арбитражных и административных судов, должны быть признаны судом, прокурором и следователем без необходимости дополнительной проверки.

Принцип преюдиции, являющийся основополагающим элементом правоприменительной практики и законодательно закрепленный в нормативных актах, обладает значительной юридической силой. Следует обратить внимание на то, что институт преюдиции распространяет свое действие как в рамках отдельных отраслей права, так и на межотраслевом уровне. Несмотря на универсальность принципа преюдиции, в правовой системе предусмотрены исключения из общего правила. В частности, в случаях вынесения судебных постановлений по статьям 226.9, 316 или 317.7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации требуется

обязательное проведение проверки законности и обоснованности вынесенных приговоров. В целом, принцип преюдиции играет значимую роль в обеспечении стабильности правоприменительной практики, способствует единообразному толкованию правовых норм, а также повышает эффективность правосудия.

«О том, что институт межотраслевой преюдиции имеет множество проблем, свидетельствуют материалы следственной и судебной практики, названные проблемы исследуются многими учеными» [13, с. 80]. «При расследовании дел о мошенничествах, часто встречаются ситуации, когда потерпевшие либо сначала обращаются с исками в гражданские и арбитражные суды, проигрывают их, затем обращаются с заявлением о совершенном преступлении в органы внутренних дел. Иногда на стадии подачи искового заявления его обездвиживают, потому что потерпевшие самостоятельно без запросов правоохранительных органов не могут определить установочные данные правонарушителей, что влияет, например, на выбор суда (подсудность по общему правилу определяется местонахождением ответчика по делу)» [18, с. 434].

В рамках рассматриваемого правового спора, характеризующегося неисполнением судебного решения, следует обратить внимание на специфический случай, в котором истец, получивший удовлетворение гражданского иска, оказывается не в состоянии взыскать присужденную ему сумму с ответчика в рамках исполнительного производства. Данное обстоятельство порождает необходимость в применении дополнительных мер, направленных на обеспечение исполнения судебного акта. В сложившейся ситуации истец, руководствуясь правовыми нормами, подает заявление о возбуждении уголовного дела в отношении должника, основываясь на признаках состава преступления, предусмотренного статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, именуемого «Мошенничество». По завершении уголовного судопроизводства, по результатам которого выносится обвинительный приговор в отношении

должника, вступает в силу судебное решение, устанавливающее вину ответчика в совершении преступления, и, как следствие, подтверждающее обоснованность предъявленного иска.

Истец, обладающий решением гражданского суда, использует его как аргумент в пользу уголовного преследования ответчика. Важно отметить, что между моментом получения истцом решения по гражданскому делу и возбуждением уголовного дела не поступало информации о фальсификации ответчиком каких-либо документов. Возникает вопрос: на основании каких признаков правоохранительные органы квалифицируют действия должника как преступление? В частности, каким образом устанавливается умысел лица на совершение хищения путем обмана или злоупотребления доверием? «Данная ситуация требует детального анализа с точки зрения доказательной базы по уголовному делу. Необходимым условием для признания действий должника преступлением является наличие доказательств, подтверждающих умысел на хищение путем обмана или злоупотребления доверием. Взаимосвязи между гражданским и уголовным процессами. Следует проанализировать, как решение гражданского суда может влиять на вынесение обвинительного приговора в рамках уголовного дела. Принципов законности и справедливости. Необходимо убедиться, что применение уголовного законодательства в данном случае отвечает принципам законности и справедливости, исключая необоснованное преследование и нарушение прав граждан» [13, с. 80].

В данном случае уголовное расследование ведется параллельно с гражданским и арбитражным процессами. Например, субподрядчик подал иск в Арбитражный суд г. Москвы, утверждая, что основной подрядчик не оплатил строительные услуги, оказанные в рамках реализации жилищного проекта. В ходе арбитражного разбирательства выяснилось, что истец также находился под следствием по факту возможного нарушения статьи 4.159 Уголовного кодекса РФ. Ответчик утверждал, что субподрядчик дважды пытался получить оплату за одни и те же услуги. Первоначально арбитр вынес решение в пользу

истца, однако это решение было отменено в ходе апелляции, и дело было направлено на новое рассмотрение.

Впоследствии Гагаринский районный суд Москвы признал руководителей компании-субподрядчика виновными в нарушении статьи 4 статьи 159 Уголовного кодекса, и это решение поддержал Московский городской суд, вернув дело в суд первой инстанции на дополнительное рассмотрение [34, с. 77].

Однако решения, принятые в ходе гражданского судопроизводства, даже в окончательном виде, не имеют преюдициального значения в уголовном процессе в отношении наличия состава преступления или виновности подсудимого. Напротив, для вынесения решения по уголовному делу требуется тщательное изучение всех соответствующих доказательств, включая информацию, которая могла не всплыть в ходе гражданского разбирательства. Оценка умысла на совершение мошенничества только на основании таких доказательств как подделка или фальсификации документов не может означать автоматическое совершение уголовного преступления.

Экспертные заключения в рамках гражданского дела по таким делам могут как подтверждать, так и опровергать наличие состава преступления, и эти различия часто обусловлены различиями в методиках, используемых различными государственными органами, такими как Министерство юстиции и Министерство внутренних дел, которые проводят судебные экспертизы. Различия в заключениях экспертов разных ведомств создают серьезные процессуальные проблемы для правоохранительных органов, поскольку противоречивые экспертные заключения часто требуют пересмотра решения по делу. Такие ситуации вносят правовую неопределенность и усложняют процесс вынесения судебных решений, влияя на ясность и эффективность правоприменительной практики [4, с. 89].

Такая практика приводит к вынесению диаметрально противоположных решений по одним и тем же обстоятельствам дела, что существенно затягивает процесс разрешения спора и, как следствие, приводит к необоснованному

продлению сроков рассмотрения дела. Средний срок разрешения спора в подобных ситуациях составляет от 4 до 6 лет, что противоречит принципу разумного срока рассмотрения дела, закреплённому в законодательстве. Здесь требуется внести изменение в уголовно-процессуальный кодекс в соответствии с выводами Постановления Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, требуется внесение следующих дополнений в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: после слов «без дополнительной проверки» необходимо добавить слова «при отсутствии установленного подлога или фальсификации доказательств». Такая модификация законодательной нормы позволит обеспечить более четкое и однозначное правоприменение, исключая возможность произвольного толкования и обеспечивая гарантии реализации конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства [34, с. 89].

Во-вторых, необходимо межотраслевое регулирование, которое позволит более эффективно проводить расследование. Решение о том, какое производство приостановить, должно зависеть от того, в каком порядке было возбуждено уголовное или начато рассмотрение гражданского дела. Если первым было возбуждено уголовное дело, то гражданское производство должно быть приостановлено, и наоборот, если гражданское производство было возбуждено раньше.

Для решения данной проблемы я предлагаю внести изменение в часть 5 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, дополнив ее следующим положением: «Предварительное следствие приостанавливается, если дело уже рассматривается в порядке гражданского, административного или арбитражного судопроизводства по данным обстоятельствам» [4, с. 89].

«Вторая плоскость связана с материальным правом, применением гражданского или уголовного права в каждой конкретной ситуации. В частности, правильным определением субъективной стороны мошенничества, которая представляет собой прямой умысел и обязательную корыстную цель.

О таких действиях может свидетельствовать: заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство; использование для уклонения от платежа каких – либо причин, не подтвержденных документально (например, отсутствие листка временной нетрудоспособности, при заявлении заболевания, препятствующего исполнить обязательство); обоснование невозможности исполнения взятого на себя обязательства путем предоставления поддельных документов; создание видимого исполнения договорных обязательств путем предоставления фиктивных платежных документов, поддельных векселей и др.». [6, с. 45].

В процессе осуществления следственных действий особую значимость приобретает задача дифференциации умысла на противоправное завладение денежными средствами от легитимного предпринимательского риска, что имеет непосредственное отношение к правоприменительной практике [7, с. 167]. Необходимо отметить, что в рамках гражданско-правовых отношений существуют соглашения, характеризующиеся повышенным уровнем риска, в качестве примера можно привести кредитный договор.

Хищения, совершенные путем обмана (мошенничество), представляют собой серьезную проблему в современном обществе. Их рост связан с:

- развитием технологий: интернет-мошенничество, фальсификация документов, использование цифровых платформ для обмана.
- усложнением схем: многоступенчатые схемы, задействование юрищ, использование офшорных зон.
- недостаточным контролем: недостаточная проверка информации, легкое доверие жертв, отсутствие должной осведомленности о мошеннических схемах.

Таким образом происходят финансовые потери: ущерб для физических и юридических лиц, снижение инвестиционной привлекательности. Негативное влияние на экономику: потеря доверия к бизнес-среде, снижение уровня жизни. Социальные проблемы: рост преступности, увеличение социальной напряженности.

Основные направления повышения эффективности борьбы:

- введение новых квалифицирующих признаков, учитывающих особенности современных способов совершения хищений.
- ужесточение мер наказания за мошенничество с использованием информационных технологий.
- повышение квалификации правоохранительных органов:
- обучение специалистов новым методам расследования мошеннических преступлений.
- обеспечение доступа к современным информационным технологиям и инструментам, необходимым для раскрытия преступлений.
- создание специализированных подразделений по борьбе с кибермошенничеством.
- проведение информационно-просветительских кампаний о мошеннических схемах.
- развитие системы раннего выявления мошеннических действий.
- создание механизмов, направленных на повышение финансовой грамотности населения.
- обмен информацией и опытом между правоохранительными органами разных стран.
- создание совместных рабочих групп для расследования трансграничных мошеннических преступлений.
- взаимодействие с банковскими и финансовыми структурами:
- усиление мер безопасности в банковской сфере.
- разработка и внедрение технологий, препятствующих мошенническим операциям.
- создание механизмов компенсации ущерба, понесенного в результате мошенничества.

Таким образом, повышение эффективности уголовно-правовой борьбы с хищениями, совершенными путем обмана, является важнейшим

направлением обеспечения безопасности и стабильности в обществе. Для достижения этой цели необходимо комплексное использование правовых, правоохранительных, профилактических и международных мер.

1.2 История развития уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за мошенничество

Анализ динамики преступности свидетельствует о существенных изменениях в структуре мошеннических посягательств. Согласно статистическим данным, в 2003 году доля мошеннических преступлений в общем объеме преступлений составляла 2,2%. Период с 2004 по 2010 годы характеризовался неуклонным ростом удельного веса преступлений мошеннического характера, что свидетельствовало о тенденции к их интенсификации.

«В период с 2011 по 2017 г. наблюдалась устойчивая тенденция к спаду таких преступлений, однако, начиная с 2018 г. и по настоящее время, наблюдается неуклонный рост мошенничества. При этом раскрываемость данных преступлений значительно упала. Общественная опасность данного вида преступления заключается в том, что ни один состав из числа Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации не имеет столько способов его совершения. Мошенничество, постоянно развиваясь, приобретает новые формы и виды, в связи с чем возникает необходимость доктринального осмысления данного преступного посягательства» [16, с. 45].

«Мошенничество в настоящее время представляет собой преступление, угрожающее не только частной собственности, но и распространяющееся на сферу аграрного производства, торговли и предпринимательства. Его общественная опасность значительно возрастает ввиду тесного взаимодействия с организованной преступностью. Для достижения преступных целей мошенники все чаще прибегают к использованию

поддельной документации, банковских карт, а также других материальных ценностей, принадлежащих компаниям и фондам» [1, с. 24].

«Как и любой общеизвестный состав преступления, мошенничество имеет многовековую историю. Проследим основные вехи развития отечественного уголовного законодательства в этом контексте. В первых важнейших кодифицированных актах – «Русской Правде» и «Псковской Судной грамоте» термины «мошенничество» и «мошенник» отсутствовали, последний появляется лишь в законодательстве середины XVI в» [31, с. 124].

«На рубеже XV-XVI столетий Российское государство переживало период интенсивного развития ремесленного производства. В центральных областях страны наблюдалось значительное продвижение и процветание пашенного земледелия, оружейного дела, ювелирного ремесла и деревообработки. В этот период также наблюдался расцвет крупнейших торговых центров. По всей территории древнерусского государства активно развивались торговля, ремесло и купечество. Данные сферы деятельности находили постоянное поощрение со стороны государства, а купцы пользовались различными привилегиями» [3, с. 12].

«Несмотря на огромное количество позитивных изменений в области торговли и купечества, создались серьезные предпосылки к совершению изощренных посягательств на собственность. Помимо краж, с момента активного развития товарно-денежных отношений стали появляться новые виды противоправных деликтов [15, с. 188].

«Царский Судебник» 1550 г. провозглашал: «А мошеннику та ж казнь, что и татю» (ст. 58). В указанном юридическом документе содержание термина не раскрывалось, в этой связи среди специалистов в области истории и права по сей день ведутся споры, устанавливалась ли в этом памятнике древнерусского права ответственность за мошенничество или тайное хищение имущества, кражу, хотя термин «обманщик», указывает, по всей видимости, на первое. Однако, в сторону второй версии (карманная кража) говорит сходство терминов «мошенник» и «мошна» (в Древней Руси мошной называли

небольшую сумочку для хранения денег, которую прикрепляли к поясу либо клали в карман)» [3, с. 12].

«В Судебнике понятия «обманщик» и «мошенник» разделялись. Мошенничество выбивалось из законодательного понятия «татьба», которым именовали все возможные виды хищений в древнерусских памятниках права» [14, с. 11].

В своей диссертации И.Я. Фойницкий первым дал комплексный анализ юридического определения мошенничества в контексте уголовного права. Он охарактеризовал мошенничество как форму хищения, связанную с небольшой суммой имущества, но совершенную с использованием обмана и хитрости для облегчения совершения преступления. В подтверждение своего определения Фойницкий привел случай из юридической практики. В 1767 году было возбуждено уголовное дело против человека по фамилии Корольков, который в целях личной финансовой выгоды распространил фальшивые пригласительные билеты на собрание депутатов, созванное для разработки законопроекта. Эти пригласительные билеты были представлены как выданные председателем комитета. «Сенат, установив, что действия Королькова носили заведомо обманный характер, констатировал отсутствие в правовой системе точных норм, регулирующих ответственность за мошенничество и обман. В данном случае Сенат признал правомерным применение аналогии закона, приравнявая обман к мошенничеству. Корольков был признан виновным и осужден по пунктам 9, 11 главы XXI Соборного уложения 1649 года» [14, с. 11].

«Первое законодательное определение мошенничества можно увидеть в памятниках российского законодательства в 1781. Императрица Екатерина II своим Указом от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов» впервые ввела уголовную ответственность за принципиально новый вид преступления – мошенничество. В этом юридическом документе мошенничество уже не рассматривалось в качестве компонента татьбы, а существовало обособленно

от нее. Таким образом, мошенничество, как отдельный состав, пополнило список имущественных преступлений» [16, с. 22].

И.Я. Фойницкий рассматривал положения данного Указа в «совокупности с положениями Устава Благочиния, что, на наш взгляд, достаточно справедливо: совместно нормы данных документов наиболее подробно раскрывают специфику уголовной политики государства в те времена, устанавливая четкое разграничение видов татьбы» [27, с. 17].

В 1781 году юридическое толкование мошенничества включало в себя множество различных элементов. Как правило, мошенничеством считались акты скрытого воровства, например мелкие кражи, особенно в людных местах. Ненасильственная кража, известная как грабеж, также могла считаться мошенничеством, если вор использовал тактику отвлечения внимания, например, издавал громкие звуки рядом с жертвой или быстро снимал шляпу. Мошеннический умысел при завладении чужим имуществом мог быть связан как с целью вора, так и с конкретным похищенным предметом, как, например, в случаях «обмера», когда стоимость или размер украденных вещей намеренно искажались.

В то время не существовало всеобъемлющего или четко определенного перечня мошеннических действий, что отражало раннюю стадию формирования правовой базы для таких преступлений. Отсутствие ясности проявилось в законодательстве 1781 года, свидетельствуя о том, что закон о мошенничестве все еще развивался. Введение в действие Устава о наказаниях, налагаемых судьями, в 1864 году ознаменовало значительный прогресс в национальном уголовном праве, установив в статьях 173-176 ответственность за мошеннические действия [19, с. 55].

Однако законодатели того времени считали мошенничество относительно незначительной общественной проблемой, не представляющей серьезной угрозы для общества. Они также полагали, что жертвы мошенничества часто разделяют часть вины, что обусловило мягкие наказания, как правило, штрафы, не превышающие 300 рублей. В целом

подход регуляторов к мошенничеству в этот период характеризовался значительной неопределенностью [38, с. 404].

В 1903 году данный процесс увенчался принятием Уголовного уложения. В основу правовых норм Уложения были положены идеи Уголовного уложения Германской империи. Влияние германской правовой системы проявилось и в регулировании состава преступления мошенничества. В отличие от предыдущего законодательства, которое посвящало этому составу лишь отдельную статью, Уголовное уложение выделило для него целую главу, что свидетельствует о возрастании его значимости в правовом поле Российской империи [10, с. 9].

В соответствии со статьей 591 мошенничество определялось как обман, обвес, обмер или другие аналогичные действия, направленные на хищение чужого имущества с целью его последующего присвоения, а также для незаконного получения имущественной выгоды, уступки права на имущество или побуждения потерпевшего к заключению невыгодной сделки имущественного характера.

С приходом советской власти ситуация с юридической ответственностью за мошенничество претерпела значительные изменения. Большевики отменили все предыдущие законы, что привело к значительной утечке квалифицированных кадров. В результате этого разработка уголовного законодательства стала невозможной, а судебная система фактически оказалась без должного контроля. Судебные органы на тот момент были оставлены на произвол судьбы, и их действия определялись в основном принципом целесообразности, что существенно повлияло на реализацию уголовной ответственности [10, с. 9].

«В 1921 году проблема мошенничества вновь привлекла внимание законодателей, что привело к изданию Декрета Совета народных комиссаров (СНК) от 5 мая 1921 года под названием «Об ограничении прав по судебным приговорам». Этот документ впервые признал мошенничество преступлением. Однако, несмотря на это, в декрете не были четко определены

характерные черты мошенничества, что затруднило эффективную борьбу с этим видом преступлений против собственности и не позволило достичь желаемых результатов» [4, с. 18].

«В 1922 году был принят первый советский Уголовный кодекс, в котором мошенничеству были посвящены статьи 187 и 188. В соответствии с положениями этого закона, мошенничеством считалось получение имущества или прав на него с целью личной выгоды, осуществленное через обман или злоупотребление доверием. В примечаниях к этим статьям давалось определение обмана: под ним подразумевалось преднамеренное предоставление ложной информации или умышленное сокрытие обязательных для раскрытия фактов» [17, с. 20].

«Определенные новации можно отметить в ст. 169 УК РСФСР 1926 г., поскольку она предусматривала уголовную наказуемость и за причинение мошенническими действиями убытков государственному или общественному учреждению, предусмотрев в качестве максимального наказания лишение свободы до 5 лет или конфискацию имущества» [6, с. 22].

Несмотря на то, что в основу права европейских государств составило римское право, исследование зарубежного законодательства показывает, что правовое содержание понятия мошенничества в законодательстве исследуемых стран отличается друг от друга, что свидетельствует о его формировании под воздействием особенностей уголовной политикой властвующих субъектов [53]; [54]; [55]; [56]; [57].

«В Уголовном кодексе 1960 года существовали две статьи: статья 93, касающаяся мошеннического завладения общественным или государственным имуществом, и статья 147, регулирующая аналогичные действия в отношении личного имущества граждан. Эти нормы оставались в силе до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. В новом кодексе, в соответствии с конституционной нормой о равной защите всех форм собственности, статья о мошенничестве (статья 159) была включена в главу 21, посвященную преступлениям против собственности» [36, с. 22].

Таким образом, в результате анализа в первой главе, мы пришли к выводу о том, что сегодня мошенничество признается одним из самых распространенных преступных посягательств как в России, так и за рубежом. Его опасность для общества усиливается широким спектром тактик и методов, используемых при его совершении, что отличает его от других преступлений, перечисленных в Особенной части Уголовного кодекса РФ. Появление новых форм и способов мошенничества, приводящее к его стремительному распространению, подчеркивает необходимость более полного теоретического анализа данного преступления [50, с. 312].

Общественная опасность хищений, как и любых преступных посягательств определяется значимостью объекта уголовно-правовой охраны и распространенностью данных посягательств.

Самостоятельная криминализация мошенничества как форма хищения обусловлена способом его совершения, который существенно отличается от других видов посягательств на собственность. Оно совершается не тайно, хотя потерпевший и не понимает, что он становится объектом манипуляционных преступных действий, не насильственно, может совершаться на существенном удалении жертвы и преступника (телефонное, электронное мошенничество). По нашему мнению, большое значение для определения обусловленности криминализации, является и специфика противодействия данному преступному посягательству, которое, по мнению многих специалистов криминологов, наиболее эффективно может осуществляться через просвещение населения, предупреждения его о наличии той или иной формы мошенничества, подготовкой кадров специалистов в коммерческих и государственных организациях для предотвращения страхового, кредитного мошенничества и т.д. [6, с. 22].

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика хищения, совершаемого путем обмана

2.1 Объективные признаки хищения, совершаемого путем обмана

Чтобы досконально разобраться в тонкостях уголовного права и точно квалифицировать противоправное деяние, необходимо детально изучить состав преступления. Анализ статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, посвященной преступлениям в сфере экономики, следует начинать с основных элементов преступления, в частности его объекта и субъективной стороны. Учитывая, что статья 159 также относится к преступлениям в сфере экономики, очевидно, что основной целью данного преступления является нарушение общественных отношений, необходимых для осуществления экономической деятельности. Экономика как сложная система, включающая в себя производство, распределение и потребление товаров, служит основным средством удовлетворения человеческих потребностей и, в конечном счете, получения прибыли [26, с. 22].

Собственность, как важнейшая часть этой экономической системы, является основным объектом государственной защиты от преступных действий. Хотя собственность не всегда является физическим объектом, она представляет собой концептуальный мост между людьми и материальными активами. Мошенничество влияет на собственность, нанося материальный ущерб владельцам и подрывая юридический процесс приобретения прав собственности, тем самым ставя под угрозу экономическую стабильность.

Понимание социального ущерба, наносимого мошенничеством, требует выявления конкретных социальных отношений, которые были нарушены. Эффективная борьба с мошенничеством предполагает четкое определение собственности, ее экономической значимости и правового статуса. Такая ясность позволяет выявить непосредственный объект мошенничества и оценить весь масштаб причиненного вреда [6, с. 22].

А.И. Чучаев проницательно заметил, что преступление может затрагивать не только конкретные общественные отношения, на которые направлено посягательство, но и другую социальную динамику. Однако для целей квалификации преступлений эти более широкие последствия не имеют существенного значения и их лучше учитывать при вынесении приговора. В случаях мошенничества оценка «существенного вреда» подразумевает оценку финансового состояния потерпевших и всех иждивенцев. Поскольку мошенничество как имущественное преступление затрагивает отношения, которые могут быть финансово оценены, оно направлено как на имущество, так и на связанные с ним права, как указано в статье 128 Гражданского кодекса РФ. Тем не менее, не все объекты, подпадающие под действие гражданского законодательства, подпадают под признаки мошенничества, определенные статьей 159 Уголовного кодекса РФ [16, с. 22].

Имущество, как объект кражи, представляет собой материальный объект, обладающий экономической ценностью. Оно создается с применением человеческого труда и приобретается владельцем в соответствии с законодательными нормами. Не может, например, выступать в качестве имущества электрическая энергия, т.к. у нее отсутствует признак материальности. В соответствии с УК РФ, «мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению» [20, с. 332].

Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества.

Если денежные средства в размере до 2500 рублей были похищены посредством мошенничества и при этом отсутствуют отягчающие обстоятельства, то такое деяние рассматривается как административное правонарушение и не подпадает под уголовную ответственность согласно статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

При определении предмета хищения, совершенного путем обмана о наличии оснований для начисления или увеличения заработной платы (денежного довольствия), не подлежит включению в его размер сумма налога на доходы физических лиц, которая исчислена и удержана налоговым агентом.

По смыслу закона, мошенничество может иметь место в случае, когда лицо получает чужое имущество, не намереваясь при этом исполнить обязательства, связанные с условиями передачи ему этого имущества, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, если умысел, направленный на хищение чужого имущества, возник у лица до его получения [22, с. 33].

В судебной практике был рассмотрен примечательный случай, когда руководство ЗАО «А» в лице генерального директора г-на М., финансового директора г-на Г., при участии г-на Ж., подверглось обвинению в неправомерном использовании заемных средств в период с 22 августа по 24 ноября 2006 года. Предметом разбирательства стало предполагаемое нецелевое использование кредитных средств в размере 12618200 рублей, изначально предназначенных для развития животноводческого комплекса, включая его строительство, реконструкцию и модернизацию.

Первоначально действия руководства были квалифицированы как мошенничество в особо крупном размере с использованием служебного положения. В качестве доказательной базы фигурировали несогласованные денежные переводы и документы с признаками фальсификации, якобы подтверждающие закупку оборудования и проведение проектных работ. Отдельным пунктом обвинения стало нецелевое использование федеральных

и региональных субсидий, предназначенных для компенсации процентных выплат по кредиту.

Однако при более детальном рассмотрении дела выяснились существенные обстоятельства: ЗАО «А» фактически осуществило полную реконструкцию и модернизацию комплекса, причем объем инвестиций превысил размер полученного кредита. На момент судебного разбирательства объект был полностью введен в эксплуатацию. Компания сохраняла право на получение ежемесячных субсидий на протяжении всего срока кредитования при условии своевременного обслуживания долга.

Существенным фактором стало наличие восьмилетнего графика погашения кредита с процентами без дополнительного государственного финансирования строительства. Важно отметить, что средства размещались на специальном счете с ограничениями по использованию.

Апелляционная инстанция, руководствуясь частью 2 статьи 24 УПК РФ и опираясь на постановление № 87-Д12-4 [51, с. 22], отменила первоначальный приговор ввиду отсутствия состава преступления и преступного умысла.

Юридическая трактовка хищения предполагает противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества с корыстной целью, причиняющее ущерб собственнику. К защищаемым объектам гражданских прав относятся различные виды имущества, включая наличные и безналичные денежные средства, документарные и бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, результаты работ и услуг, интеллектуальную собственность и нематериальные блага [47, с. 177].

Моментом окончания такого преступления считается фактическое изъятие средств со счета владельца, повлекшее материальный ущерб. Территориальная юрисдикция определяется местонахождением банковского подразделения или организации, где был открыт счет потерпевшего или велся учет электронных денежных средств.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»

закреплено, что «если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения». Указанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ не дает точного ответа, что понимается под правом на чужое имущество, ограничиваясь лишь примерами момента окончания мошенничества в виде приобретения права на чужое имущество. Данный пробел помогает устранить Постановление Пленума Верховного Суда от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)», в котором указывается, что «под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве, в статье 163 УК РФ понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества».

Отсюда следует, что под правом на чужое имущество следует рассматривать внешнюю форму выражения права собственности или иных вещных прав. Анализируя положения статьи 159 уголовного закона, можно выделить признаки объективной стороны противоправного деяния, к которым относятся:

- в соответствии с диспозицией ст. 159 УК РФ мошенничество выступает формой хищения, из чего следует, что признаки объективной стороны этих преступлений идентичны;
- мошенничество может быть совершено путем приобретения права на чужое имущество, что является самостоятельной формой преступления;
- добровольная передача имущества или права на него субъекту преступления путем обмана или злоупотребления доверием свидетельствует о ненасильственном способе реализации объективной стороны [46, с. 34].

Состав преступления, предусмотренный ст. 159 УК РФ сконструирован как формально-материальный. Он содержит в себе два элемента: объективную сторону, выражающуюся в противоправном безвозмездном обращении чужого имущества, и субъективную сторону, выражающуюся в умысле, направленном на совершение этого действия. При этом объективная сторона состава преступления характеризуется наличием отрицательных последствий для собственника имущества, обоснованных наличием причинно-следственной связи между действиями виновного и возникшим вредом.

В соответствии с сущностью гражданско-правовой категорий «собственность» при противоправном завладении имуществом виновно лицо стремится к приобретению права пользования, владения и распоряжения таким имуществом.

Однако, в силу отсутствия законных оснований для такого приобретения, в результате совершения преступления право собственности на предмет правонарушения к виновному не переходит. Ввиду этого в диспозиции статьи ст. 159 УК применяются формулировки «в пользу виновного» или «в пользу иных лиц», отражающие возможность получения имущественной выгоды не только самим виновным, но и другими лицами

«Под пользой следует понимать положительный результат, который устраивает нарушителя и к которому он стремился, планируя и совершая

противоправное деяние. Противоправность мошенничества, как и любого вида хищения, определяется тем, что деяние совершается вопреки воле собственника и характеризующееся отсутствием у виновного прав на это имущество. Необходимо отметить, что при мошенничестве потерпевший, будучи введенным в заблуждение виновным, передает виновному имущество или не препятствует его изъятию или приобретению права на него другим лицом. В случае, если у виновного имеются какие-либо спорные права на имущество, ставшее предметом преступления, вопрос о хищении ставится не может. Вероятнее всего, в дальнейшем такое деяние может квалифицироваться как самоуправство» [51, с. 22].

«Одним из ключевых признаков, определяющих хищение, является его безвозмездный характер. В.Н. Винокуров отмечает, что этот признак связан с отсутствием предоставления эквивалента за украденное имущество» [21, с. 122]. Если виновный передаст потерпевшему предмет, равный по стоимости украденному, то говорить о безвозмездности не представляется возможным. В этом случае деяние будет квалифицироваться по статьям, предусматривающим ответственность за самоуправство или злоупотребление должностными полномочиями.

На основе проведенного анализа можно заключить, что мошенничество представляет собой не просто акт хищения с намерением получить право на чужую собственность, а является комплексным корыстным преступлением против имущественных прав, характеризующееся намеренным получением материальной выгоды для преступника или связанных с ним лиц посредством обманных действий или злоупотребления оказанным доверием.

В качестве объекта преступного посягательства выступают как материальные ценности, так и юридические права на них. Верховный Суд РФ, стремясь обеспечить единообразное применение и интерпретацию уголовно-правовых норм при рассмотрении мошеннических действий, особо подчеркнул, что противоправное завладение чужим имуществом или получение прав на него осуществляется путем введения в заблуждение или

использования доверительных отношений, под влиянием которых собственник или уполномоченное лицо добровольно передает имущество или права на него, либо не противодействует их отчуждению.

Обманные действия как метод совершения хищения могут проявляться в различных формах: преднамеренное предоставление недостоверной информации, сокрытие существенных фактов, а также умышленные манипуляции (включая реализацию поддельной продукции, применение мошеннических схем при финансовых операциях, создание видимости законных расчетов), нацеленные на формирование у владельца имущества искаженного представления о реальности.

Дезинформация при мошенничестве может затрагивать широкий спектр аспектов: правовые обстоятельства, фактические события, характеристики и стоимость имущества, личностные данные преступника, его полномочия и истинные намерения.

Принципиально важно отметить, что, если обман используется лишь для упрощения доступа к имуществу, а не для непосредственного завладения им, такие действия квалифицируются как кража или грабеж, в зависимости от конкретных обстоятельств. Злоупотребление доверием при мошенничестве характеризуется использованием сложившихся доверительных отношений с владельцем имущества или уполномоченным лицом для достижения корыстных целей. Доверительные отношения могут базироваться на профессиональном статусе или межличностных связях.

Злоупотребление доверием также включает случаи принятия обязательств без намерения их исполнения, направленные на безвозмездное присвоение чужого имущества или прав на него (например, получение кредита, предоплаты за товары или услуги при изначальном отсутствии намерения выполнять договорные обязательства).

Изучение судебной практики демонстрирует частое смешение понятий злоупотребления доверием и обмана при квалификации мошеннических действий.

В.В. Хилюта отмечает, что обман неразрывно связан с преднамеренностью и целенаправленным введением в заблуждение, что требует обязательного доказывания при квалификации мошенничества. Обман основывается на осознанном стремлении создать у контрагента искаженное восприятие предмета взаимодействия, включая манипуляции информационным контекстом. Конечной целью обмана является побуждение лица к передаче имущества или имущественных прав, а не просто введение в заблуждение само по себе.

Исследование многообразных научных концепций позволяет выделить триаду основополагающих форм обманных деяний: дезинформация относительно личностных характеристик; умышленное искажение свойств предмета; манипулирование фактологической составляющей реальности (охватывающей происхождения, достоверные сведения и целевые установки).

В соответствии с официальной позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, реализация мошеннического посягательства посредством использования самостоятельно сфабрикованной официальной документации, наделяющей определенными полномочиями либо освобождающей от установленных обязательств, подлежит многоаспектной юридической оценке – наряду с квалификацией мошенничества необходимо инкриминирование части первой статьи 327 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей санкции за создание фальсифицированного официального документа либо его распространение. Существенно, что в случаях, когда субъект изготовил поддельный документ, однако в силу объективных препятствий не реализовал его применение, противоправное деяние квалифицируется исключительно по части первой статьи 327 УК РФ.

При наличии фактических обстоятельств, свидетельствующих о намерении использовать фальсифицированный документ в мошеннических целях, действия надлежит квалифицировать как приготовление к мошенническому посягательству. В ситуациях, когда правонарушитель применил изготовленную им поддельную документацию для противоправного

завладения имуществом посредством обмана или злоупотребления доверительными отношениями, но не достиг преступного результата по независящим причинам, содеянное формирует совокупность преступных деяний, предусмотренных частью первой статьи 327 УК РФ и частью третьей статьи 30 УК РФ совместно с соответствующей нормой о мошенничестве.

Заслуживает особого внимания тот факт, что противоправное завладение имуществом с использованием поддельного документа, изготовленного иным лицом, квалифицируется как мошенничество без дополнительного вменения статьи 327 УК РФ.

Противозаконное присвоение имущественных ценностей или имущественных прав путем предъявления чужих документов (в том числе паспорта, пенсионного удостоверения, свидетельства о рождении) квалифицируется как мошенническое деяние с учетом особенностей объекта преступного посягательства. При предшествующем хищении используемой документации требуется дополнительная квалификация по части первой статьи 325 УК РФ (применительно к официальным документам) или части второй указанной статьи (в отношении паспорта и других значимых личных документов).

Вторым способом мошеннического завладения чужой собственностью признается – злоупотребление доверием лица. Этот способ заключается в том, что преступное лицо в целях хищения использует хорошие отношения, основанные на доверии, которые у него сложились с владельцем собственности. Данный способ в первую очередь характеризуется тем, что виновный заведомо знал, что не станет исполнять, взятые на него обязательства и нарушит их.

В случае злоупотребления доверием, лицо оказывается введено в заблуждение. Такие случаи очень распространены на авто и железнодорожных вокзалов. Когда виновный втирается в доверие к потерпевшему и предлагает, например, присмотреть за его сумками, пока тот отойдет в туалет, а сам крадет их. За последние несколько лет широкое распространение получил

мошенничество, целью которого является не завладение чужой собственностью, а получение права распоряжаться, владеть и пользоваться ей.

Принципиально важно подчеркнуть, что юридический момент окончания мошенничества наступает при переходе имущества под неправомерный контроль виновного лица или иных субъектов, получивших реальную возможность осуществлять правомочия владения, пользования и распоряжения похищенным имуществом.

В случаях, когда потерпевший, находясь под воздействием заблуждения, осуществляет добровольную передачу имущества либо не противодействует его изъятию или передаче имущественных прав другому лицу, определяющее значение имеет наличие оспариваемых прав на данное имущество у предполагаемого правонарушителя. При установлении таких прав деяние может быть переквалифицировано как самоуправство, что исключает состав хищения.

2.2 Субъективные признаки хищения, совершаемого путем обмана

Психологическая составляющая преступного деяния, именуемая субъективной стороной преступления, представляет собой внутреннее ментальное отношение субъекта к осуществляемому им противоправному действию и его результатам [8, с. 62]. В структуре субъективной стороны выделяется основной компонент - вина, а также второстепенные элементы, включающие побудительные мотивы, преследуемые цели и эмоциональное состояние правонарушителя.

Современное уголовное законодательство Российской Федерации закрепляет фундаментальный принцип виновной ответственности, согласно которому привлечение к уголовной ответственности допустимо исключительно при установлении вины лица в совершении общественно опасных действий (бездействия) и наступлении их последствий (ч. 1 ст. 5 УК РФ).

Юридическое признание виновности предполагает наличие двух взаимосвязанных компонентов: интеллектуального и волевого. Интеллектуальный аспект отражает степень осознания лицом характера и общественной опасности своего поведения, включая способность прогнозировать возможные последствия. Волевой компонент характеризует целенаправленность действий субъекта и его стремление к достижению конкретного преступного результата. Законодательство различает две основные формы вины: умысел (прямой или косвенный) и неосторожность (легкомыслие или небрежность) [8, с. 64]. При этом состав мошенничества характеризуется исключительно прямым умыслом.

Интеллектуальная составляющая данной формы вины заключается в полном осознании правонарушителем общественной опасности своих действий или бездействия, а также в предвидении неизбежности или высокой вероятности наступления общественно опасных последствий. На практике установление субъективной стороны мошенничества часто сопряжено со значительными сложностями, обусловленными типичным отрицанием вины и предоставлением ложных показаний со стороны лиц, совершивших данное преступление. Это существенно затрудняет процесс выявления и доказывания истинного психического отношения субъекта к совершенному деянию и его последствиям. Дополнительную сложность создает преимущественно нематериальный характер следов мошенничества, ограничивающийся показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемых и иных причастных лиц. Волевой аспект при этом проявляется в направленном желании правонарушителя достичь определенных общественно опасных последствий своих действий [18, с. 64].

При анализе юридической конструкции состава мошенничества особое значение приобретает корыстная цель как определяющий квалифицирующий элемент, возникновение которого обязательно предшествует реализации специальных криминальных методов – обманных действий или злоупотребления оказанным доверием [34, с. 26]. Современная теория

уголовного права выделяет три концептуальных направления в понимании сущности корыстной цели: ограничительное толкование, сводящее корысть к персональному обогащению; промежуточная позиция, распространяющая понятие на получение материальных преимуществ как самим преступником, так и связанными с ним лицами или соучастниками противоправного деяния; всеобъемлющий подход, включающий любое противозаконное стремление к установлению фактического господства над чужими материальными ценностями, в том числе возможность извлечения имущественной выгоды для любых бенефициаров [34, с. 26].

Правовая позиция Верховного Суда РФ, изложенная в п. 26 Постановления Пленума касательно судебной практики по мошенническим действиям, присвоению и растрате, характеризует корыстную цель через призму намерения завладеть и распорядиться чужим имуществом как собственным, допуская возможность его последующей передачи любым третьим лицам [26, с. 73]. Подобная юридическая формулировка демонстрирует приверженность высшего судебного органа к расширительному истолкованию корыстной цели, признавая её наличие даже при отсутствии прямой заинтересованности виновного в материальном обогащении конечных получателей незаконно присвоенного имущества [36, с. 9].

Существенные возражения против такой интерпретации высказывает Г. Есаков, подчеркивая, что подобный подход нивелирует значимость корыстной цели как конституирующего признака преступного деяния, поскольку практически любое самовольное распоряжение чужим имуществом может быть квалифицировано как проявление корыстного умысла [14, с. 49]. Развивая критическую аргументацию, В.В. Хилюта иллюстрирует проблематичность действующего подхода на примере идентичной юридической оценки принципиально различных действий руководителя, перечисляющего корпоративные средства как на личные нужды своих детей, так и на благотворительные цели [11, с. 98].

Представляется целесообразным фундаментально пересмотреть существующую доктринальную концепцию корыстной цели в контексте квалификации хищений. Логичным видится исключение из сферы действия данного признака ситуаций, не сопряженных с фактическим материальным обогащением. Рациональным представляется подход, при котором наличие корыстной цели констатируется исключительно в случаях, когда имущественное обогащение виновного или иных лиц непосредственно коррелирует с удовлетворением персональных материальных интересов правонарушителя [31, с. 101].

По мнению упомянутых ученых, мошенничество, вызванное корыстными интересами, возникает, когда человек действует для получения личной финансовой выгоды. Это может включать в себя присвоение чужого имущества для собственной выгоды или для выгоды других значимых для него людей. Уголовное право определяет преступника как «физическое, вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста и совершившее общественно опасное деяние, запрещенное законом» [48, с. 71]. Из этого определения следует, что субъектом преступления может быть только физическое лицо, что закреплено в статье 19 Уголовного кодекса Российской Федерации. Тем не менее, понятие распространения уголовной ответственности на юридические лица является дискуссионным в данной области, особенно в отношении мошенничества. Эта тема получила широкое распространение в связи с тем, что юридические лица, являясь участниками правоотношений, могут играть активную роль в сложных преступных схемах. Международные примеры, такие как примеры Франции и Испании, показывают, что юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности за мошенничество и понести наказание, включая штрафы, ликвидацию бизнеса, приостановление деятельности и запрет на определенные операции [12, с. 45].

В России, если юридические лица будут признаны субъектами преступления, это изменение, вероятно, повлияет на правовую базу,

связанную с мошенничеством. В настоящее время основное определение мошенничества в российском уголовном праве предполагает наличие общего субъекта - вменяемого физического лица в возрасте от 16 лет (статья 20 Уголовного кодекса Российской Федерации). Некоторые ученые предлагают снизить этот возрастной порог до 14 лет, аргументируя это тем, что подростки сегодня хорошо разбираются в различных способах обмана, а также в использовании информационных сетей и электронных платежных систем, и понимают последствия своих действий [3, с. 79]. Однако другие исследователи, например А.А. Южин, выступают против этой точки зрения, ссылаясь на низкую долю осужденных за мошенничество среди лиц в возрасте 16-20 лет, что говорит о том, что корректировка законодательного возраста, возможно, не является необходимой [12, с. 128]. В поддержку этой позиции также приводятся международные прецеденты, например, японский [3, с. 79]. Учитывая эти выводы, можно предположить, что снижение возраста наступления уголовной ответственности за мошенничество в России не является актуальной задачей.

В некоторых видах мошенничества участвуют лица, относящиеся к категории «специальных субъектов», которые отличаются от обычных преступников своим уникальным статусом или положением. Согласно статье ч. 3 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовной ответственности подлежат лица, совершившие мошенничество с использованием служебного положения [52, с. 144].

Уголовный кодекс, а также пункт 29 Постановления Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве» и пункт 11 Постановления № 19 от 16 октября 2009 года «О злоупотреблении должностными полномочиями» содержат широкое определение понятия «специальные лица». В эту категорию входит широкий круг физических и юридических лиц, которые могут занимать государственные должности на постоянной, временной или делегированной основе. Как правило, они занимают должности, связанные с организационными, административными или

экономическими функциями в государственных органах, органах местного самоуправления или других организациях, находящихся под контролем государства.

В данное определение также входят сотрудники акционерных обществ с «золотыми акциями», которые предоставляют государству особое право голоса, а также военнослужащие и сотрудники других федеральных органов. Эта классификация распространяется как на государственных служащих, так и на лиц, не занимающих официальных государственных должностей, таких как руководители, менеджеры, индивидуальные предприниматели, члены советов директоров и лица, ответственные за организационные, административные и экономические функции в соответствующих организациях.

Например, в эту категорию можно было бы включить директоров, главных исполнительных директоров, членов советов директоров акционерных обществ, глав кооперативов и лидеров общественных объединений. Каждая из этих ролей сопряжена с определенными обязанностями, которые при использовании в контексте мошенничества отвечают критериям повышенного юридического контроля.

В ходе научных дискуссий некоторые ученые предложили расширить сферу уголовной ответственности по части 3 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, включив в нее сотрудников коммерческих и иных организаций, которые, не занимая руководящих должностей, тем не менее совершают действия, которые могут представлять собой мошенничество. Несмотря на это предложение, идея еще не получила поддержки в законодательных или правоохранительных кругах.

Альтернативная точка зрения, получившая распространение в научных кругах, заключается в более широком толковании того, кто может считаться субъектом преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159. Такой подход позволил бы классифицировать мошеннические действия как связанные со злоупотреблением служебным положением для всех лиц,

занимающих руководящие должности, вызывающие доверие, что облегчило бы совершение мошенничества в таких контекстах [12, с. 129]. Эта точка зрения имеет важное значение, учитывая случаи в судебной практике, когда отдельные лица злоупотребляли своими особыми полномочиями или использовали официальную документацию для совершения мошенничества. Суды, признав, что преступник не обладал законными полномочиями, часто переквалифицировали эти дела, сняв обвинение в «злоупотреблении служебным положением» и смягчив суровость приговора [17, с. 188].

В настоящем исследовании утверждается, что наказания за мошенничество в таких случаях должны быть более строгими, поскольку эти правонарушения наносят ущерб не только собственности, но и подрывают авторитет государственных учреждений и нарушают установленный административный порядок, придавая преступлению сложный, многоуровневый характер. Если оставить эту ситуацию без внимания, это ослабит основополагающие структуры управления и общественное доверие.

Мошенничество, как уголовное преступление, обычно совершается с прямым умыслом, но определенные характеристики преступления затрудняют доказывание такого умысла. Ключевым аспектом мошенничества является корыстный мотив преступника – обязательный субъективный элемент. Широкое определение корыстного умысла, данное Верховным судом, подверглось критике, поскольку ученые предполагают, что оно должно конкретно обозначать намерение преступника получить личную финансовую выгоду либо путем незаконного присвоения имущества для себя, либо для других лиц, в обогащении которых заинтересован преступник [17, с. 188].

В исследовании также рассматривается вопрос о снижении возраста наступления уголовной ответственности за мошенничество, что в конечном счете согласуется с мнением А.А. Южина о том, что такая мера была бы неэффективной, учитывая низкий уровень судимостей среди лиц в возрасте 16-20 лет. Мошенничество может быть совершено как общей, так и конкретной категорией лиц, но дела, связанные со злоупотреблением

служебным положением, должны охватывать действия лиц, авторитет и положение которых обеспечивают им доверие. Такое толкование позволяет избежать ограничительного понимания термина «служебное положение», гарантируя, что лица, которые пользуются служебными полномочиями в мошеннических целях, должным образом классифицируются как совершившие мошенничество путем злоупотребления своим служебным положением.

2.3. Квалифицированные составы мошенничества

В рамках уголовного законодательства России, а именно статьи 159 УК РФ, предусмотрен ряд отягчающих обстоятельств при совершении мошенничества, которые существенно влияют на степень ответственности правонарушителя. Рассмотрим детально каждый из квалифицирующих признаков данного преступления.

Первым значимым признаком выступает групповой характер преступления, осуществляемого по предварительной договоренности или организованной группой (часть 2 статьи 159 УК РФ). Данное положение применяется при наличии минимум двух участников, заблаговременно согласовавших план мошеннических действий и реализовавших его совместными усилиями.

Существенное значение имеет материальный размер причиненного ущерба. Законодатель выделяет крупный размер (часть 3 статьи 159 УК РФ), превышающий 250000 рублей, и особо крупный размер (часть 4 статьи 159 УК РФ), превышающий 1000000 рублей.

Особую категорию составляет мошенничество с использованием должностного положения (часть 3 статьи 159 УК РФ), совершаемое государственными служащими, муниципальными работниками, сотрудниками органов власти или представителями финансово-кредитных учреждений.

Современные реалии обусловили выделение такого признака как использование электронных платежных инструментов (часть 3 статьи 159 УК РФ), включающего махинации с банковскими картами, цифровыми валютами и системами онлайн-банкинга.

Специфическими разновидностями выступают:

- кредитное мошенничество (часть 1 статьи 159.1 УК РФ), связанное с предоставлением заведомо недостоверных сведений финансовым организациям;
- мошенничество в сфере социальных выплат (часть 2 статьи 159.2 УК РФ);
- предпринимательское мошенничество (часть 5 статьи 159 УК РФ).

Показательным примером сложности квалификации мошенничества служит дело Миникеевой, осужденной за хищение путем обмана средств Минобороны РФ в размере 404 422 рубля 9 копеек. Подсудимая предоставила поддельный диплом для получения должности техника-инструктора со званием прапорщика. Однако Судебная коллегия обратила внимание на отсутствие доказательств умысла на неисполнение служебных обязанностей и получение незаконной разницы в окладах. Напротив, было установлено добросовестное исполнение Миникеевой воинских обязанностей, подтвержденное многочисленными поощрениями. Данные обстоятельства поставили под сомнение наличие корыстного умысла и квалификацию действий как хищения путем обмана. Подобная правовая позиция находит отражение и в других решениях высшей судебной инстанции.

В п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определено, что под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159.1, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.3, ч. 3 ст. 159.5, ч. 3 ст. 159.6, ч. 3 ст. 160 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, государственных или

муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – Закон № 58-ФЗ) государственная служба РФ – профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий:

- РФ и ее субъектов;
- федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов;
- органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов субъектов РФ;
- лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов, органов публичной власти федеральных территорий;
- лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов РФ;
- федеральных территорий;
- органов публичной власти федеральных территорий;
- лиц, замещающих в федеральной территории должности, устанавливаемые федеральными законами и указами Президента РФ, а также уставом федеральной территории для непосредственного исполнения полномочий органов публичной власти федеральной территории.

Согласно ч. 2 ст. 8 Закона № 58-ФЗ должности государственной службы подразделяются:

- на должности федеральной государственной гражданской службы;
- должности государственной гражданской службы субъекта РФ;
- воинские должности;
- должности федеральной государственной службы иных видов.

К иным видам федеральной государственной службы относятся, в частности:

- служба в СК РФ, установленная Федеральным законом от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»;
- служба в органах внутренних дел, установленная Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- служба в ФПС России, установленная Федеральным законом от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, согласно Закону РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;
- служба в таможенных органах, установленная Федеральным законом от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации».

Таким образом, указанные государственные служащие за мошенничество, совершенное с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере, несут уголовную ответственность по ч. 3 ст. 159 УК РФ в виде:

- штрафа в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет;
- либо принудительных работ на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового;
- либо лишения свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.

В целях иллюстрации правовой коллизии приведем пример из судебной практики. Заместитель директора организации-заказчика Иванов, действуя умышленно, сообщил предпринимателю заведомо ложные сведения о наличии у него полномочий, необходимых для обеспечения заключения организацией-заказчиком контрактов на поставку и установку оборудования для нужд детского сада с юридическим лицом, находящимся под контролем предпринимателя. Фактически, Иванов не обладал такими полномочиями. Используя доступ к информации о проведении аукционов и аукционной документации, Иванов передал предпринимателю соответствующие сведения, предоставил номер своей банковской карты и потребовал перечисления денежных средств в размере не менее 10% от начальной максимальной цены контракта (НМЦК) в целях обеспечения победы в конкурентной процедуре подконтрольного предпринимателю юридического лица. В результате, предприниматель, введенный в заблуждение, перечислил Иванову денежные средства в общей сумме 867 000 рублей. Суд признал Иванова виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ («мошенничество с использованием служебного положения»), и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 50 000 руб.

15 декабря 2022 г. были внесены изменения в Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по

делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ПП ВС № 29) и от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – ПП ВС № 48), направленные на разъяснение ряда вопросов, связанных с правильной квалификацией указанных форм хищений.

«Так, положения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ предусматривают ответственность за кражу денежных средств (далее – ДС), совершенную с банковского счета (далее - БС), а равно в отношении электронных денежных средств (далее - ЭДС) (при отсутствии признаков мошенничества с использованием электронных средств платежа). В первую очередь необходимо отметить, что кража представляет собой тайное хищение чужого имущества» [45, с. 5].

«При этом следует квалифицировать как кражу, совершенную с БС, а равно в отношении ЭДС, тайное изъятие таковых, например, когда соответствующие безналичные расчеты или снятие через банкомат наличных ДС произведены с применением поддельной или действительной, но чужой, т.е. не принадлежащей виновному, платежной карты. Таким же образом оцениваются действия лица и в том случае, когда оно тайно завладело ЭДС либо средствами с БС, применив требуемые для приобретения доступа к ним конфиденциальные сведения обладателя ДС (в том числе информацию о платежной карте, пароли, контрольную информацию, личные данные собственника и т.д.) (п. 25.1 ПП ВС № 29)» [12, с. 128].

«Аналогичное положение содержится в п. 17 ПП ВС № 48: действия лица квалифицируются как кража в случаях, когда безналичные ДС были похищены с использованием требуемых для получения доступа к ним личных данных владельца платежной карты (в том числе информации о платежной карте, пароля, контрольной информации, личных данных собственника и т.д.), которые были предоставлены виновному непосредственно самим владельцем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием» [12, с. 128].

В новой редакции Постановления Пленума Верховного Суда № 29 акцентируется внимание на момент завершения квалифицированной кражи и вопросы, связанные с территориальной подсудностью. Согласно пункту 25.2 этого постановления, кража считается завершенной с момента, когда денежные средства были изъяты с банковского счета владельца или электронного денежного средства, что привело к ущербу для владельца. В литературе справедливо подчеркивается, что при определении стадии реализации преступного намерения виновного необходимо учитывать, была ли банковская карта заблокирована владельцем и было ли достаточно средств для совершения покупок или оплаты услуг [23, с. 12].

В рамках данного дела, принимая во внимание специфику украденного и способ его хищения, местом преступления обычно считается территория, на которой человек предпринимает действия для незаконного присвоения денежных средств. Таким образом, местом совершения хищения может быть, например, место, где человек с помощью поддельной или чужой банковской карты снимает наличные через банкомат, либо место, где он использует такую карту для безналичной оплаты товаров или перевода денег на другой счет.

В соответствии с п. 25.3 ПП ВС № 29, территориальную подсудность уголовного дела о краже ДС с БС или ЭДС следует определять по месту осуществления лицом действий, направленных на незаконное изъятие ДС, а при наличии иных обстоятельств - в соответствии с ч. ч. 2-4 и 5.1 ст. 32 УПК РФ (например, если в разных местах было совершено несколько преступлений, уголовное дело должно рассматриваться судом по месту совершения большинства преступлений либо наиболее тяжкого преступления).

Мошенничество определяется законодателем как хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. При этом, помимо общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), в УК РФ предусмотрено несколько его специальных видов, в частности, в качестве самостоятельных разновидностей выделяются

мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) и мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с БС, а равно в отношении ЭДС (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ).

В юридической литературе нередко отмечается, что различие между кражей, связанной с банковскими картами и электронными деньгами, и мошенничеством с использованием электронных платежных инструментов является сложной задачей. Это связано с неопределенностью в определении объекта и субъекта обмана, который является необходимым элементом состава мошенничества при совершении таких противоправных действий.

«Как представляется, исходя из действующей редакции ст. 159.3 УК РФ, как мошенничество с использованием электронных средств платежа должно квалифицироваться деяние, когда под влиянием обмана потерпевший добровольно сам переводит безналичные ДС или ЭДС со своего счета на счет виновного. При этом в настоящее время ст. 159.3 УК РФ используется крайне редко, однако примерно до середины 2021 г. практика применения данной нормы складывалась иным образом, и как такое мошенничество квалифицировались случаи оплаты лицом товаров, используя чужую банковскую карту, «при введении продавцов в заблуждение путем умолчания о незаконном владении банковской картой». Однако некоторые авторы до сих пор придерживаются противоположной позиции» [49, с. 128].

В своем Кассационном определении от 1 июня 2021 года № 5-УДП21-44-К2 Верховный Суд Российской Федерации указал на ошибку, допущенную судом нижестоящей инстанции. Судебная коллегия по уголовным делам подчеркнула, что неправильно было квалифицировано как мошенничество хищение денежных средств, осуществленное посредством оплаты товаров с использованием чужой банковской карты.

Мошенничество в сфере компьютерной информации представляет собой хищение чужого имущества или завладение правом на него посредством введения, исключения, блокирования, изменения компьютерной информации либо иного воздействия на нормальную работу средств накопления, обработки

или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 159.6 УК РФ). Согласно п. 20 ПП ВС № 48, воздействием на нормальную работу средств накопления, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей является намеренное влияние с использованием программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, компьютеры (средства вычислительной техники), в том числе портативные (переносные) – смартфоны, планшетные компьютеры, ноутбуки, оснащенные специальным программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которые воздействуют на стандартный процесс обработки, накопления, транслирования компьютерной информации, что дает возможность лицу преступно получить доступ к чужому имуществу или право на него. Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с использованием незаконного доступа к компьютерной информации или с помощью изготовления, применения и распространения компьютерных вредоносных программ, должно быть квалифицировано по совокупности, соответственно, со ст. ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ [24, с. 77].

Если хищение осуществлялось путем распространения заведомо недостоверных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (например, создание фальшивых сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество образует преступление, предусмотренное ст. 159, а не ст. 159.6 УК РФ (п. 21 ПП ВС № 48).

Таким образом, в результате исследования во второй главе, можно сделать ряд обобщений. Мошенничество (ст. 159 УК РФ) – хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Предметом здесь может выступать не только материальная вещь, но и право на какую-либо вещь; Предваряя рассмотрение данного вопроса, отметим, что справедливо в научной литературе поднимается вопрос о проблеме разграничения внутри группы преступлений – мошенничество. Так, например, схожим по

объективной стороне являются страховое мошенничество и мошенничество при получении выплат. По общему правилу мошенничество считается оконченным с момента, когда имущество поступило в противоправное обладание виновного или других лиц и они приобрели фактическую возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Несмотря на наличие разных видов, мошенничество, в какой бы сфере оно не совершалось, является формой (путем обмана или злоупотребления доверием) хищения чужого имущества и завладения правом на чужое имущество. Уголовно-правовые запреты, установленные в статьях 159.1-159.6 УК РФ, отчасти нормативно закрепили ранее сформулированные позиции Пленума Верховного Суда России по вопросам судебной практики по делам о мошенничестве, но появились и новые моменты. Однако Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 ПП ВС № 48 специально отмечает, что если предметом мошенничества выступают безналичные ДС, в том числе ЭДС, то оно признается оконченным с момента изъятия ДС с БС их владельца или ЭДС, в результате которого их владельцу причинен ущерб.

Местом совершения такого мошенничества, исходя из специфики его предмета и способа совершения, признается место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на противоправное изъятие ДС. Особо в п. 5.1 ПП ВС № 48 оговариваются вопросы территориальной подсудности уголовного дела о мошенничестве, предметом которого являются безналичные ДС. Как и в случае с кражей, Верховный Суд РФ рекомендует судам определять ее по месту осуществления лицом действий, направленных на незаконное изъятие ДС, а при наличии иных обстоятельств - в соответствии с ч. ч. 2-4 и 5.1 ст. 32 УПК РФ (например, если в разных местах было совершено несколько преступлений, уголовное дело должно рассматриваться судом по месту совершения большинства преступлений либо наиболее тяжкого преступления).

Глава 3 Вопросы квалификации хищений, совершаемых путем обмана, и совершенствование правовой регламентации ответственности за данные виды преступлений

3.1 Вопросы квалификации отдельных видов мошенничества

Как известно, до 2012 года уголовно-правовая норма, регулирующая ответственность за мошенничество, содержалась в рамках одной статьи (ст. 159 УК РФ), после чего уголовная ответственность за мошенничество была разграничена в зависимости от отрасли (сферы) совершения обманного хищения и предусмотрена в специальных нормах (ст. ст. 159-159.6 УК РФ). Относительно данного законодательного хода позиции в доктрине и на практике разделились. Некоторые ученые утверждают, что эффективность реализации уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 159 УК РФ (до выделения из нее специализированных норм об ответственности за мошенничество) была гораздо выше [28, с. 112].

Регулирование специальных видов мошенничества в законодательстве сопряжено с множеством проблем. Одной из основных является необходимость отличать специальные составы мошенничества от схожих правовых норм. Также возникают сложности при квалификации мошенничества, если оно совершается вместе с другими преступлениями. Дополнительные трудности связаны с интерпретацией и применением новых терминов, описывающих признаки этих видов мошенничества. Кроме того, важно учитывать различия в уголовных наказаниях за различные специальные виды мошенничества.

Целесообразно затронуть проблемы соотношения общей и специальной норм об ответственности за мошенничество. К примеру, лицо предоставляет соответствующие действительности сведения в банк или иную кредитную организацию, вместе с тем, умысел его, при этом, направлен на присвоение кредитных средств, то есть, мошенничество совершается путем пассивного

обмана. Казалось бы, содеянное подлежит квалификации за мошенничество в сфере кредитования. Но, тут возникает проблема в том, что такой способ совершения преступления не предусмотрен в диспозиции в ст. 159.1 УК РФ, поэтому деяние может быть квалифицировано лишь как «классическое» мошенничество (ст. 159 УК РФ). Согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, то приоритет отдается специальной норме. Но, поскольку, законодательные формулировки отдельных специальных норм об ответственности за мошенничество имеют неточности, возникают сложности соблюдения данного правила. Дискуссионным также является вопрос, когда по причине, к примеру, совпадающих персональных данных уполномоченным государственным или муниципальным органом ошибочно назначены социальные выплаты, и лицо, которому эти выплаты по закону не полагаются, умалчивает об этом и получает их. Представляется, что эти действия подлежат квалификации по ст. 159 УК РФ. Или, к примеру, социальная выплата зачисляется на банковскую карту субъекта без его участия, и данные средства он не намеревается возвращать.

Для установления в действиях лица состава мошенничества требуется его согласие на получение выплаты и, в данной ситуации, согласие может быть определено как умолчание о фактах, влекущих прекращение выплат. Также сложная ситуация складывается в случае, если заемщик при заключении кредитного договора предоставляет в банк или иную кредитную организацию правдивые, соответствующие действительности сведения, но, преднамеренно не исполняет свои обязательства, используя кредитные средства в предпринимательской деятельности. Мошенничество происходит одновременно в кредитной и предпринимательской сферах, что приводит к конкуренции между тремя уголовно-правовыми нормами: частями 5-7 статьи 159, статьей 159 и статьей 159.1 УК РФ. В связи с этим важно учитывать правила квалификации, которые применяются при конкуренции между

общими и специальными нормами об ответственности за мошенничество, а также между самими специальными нормами [29, с. 66].

«Как обоснованно отмечается в юридической литературе, при конкуренции общей и специальной норм о мошенничестве преступление должно квалифицироваться по специальной норме, предусматривающей признаки совершенного мошенничества с наибольшей полнотой. Если имеется конкуренция специальных норм о мошенничестве, деяние необходимо квалифицировать по специальной норме, содержащей не часть, а все признаки совершенного мошенничества. В случае, если каждая норма охватывает все признаки, то следует квалифицировать по норме с менее строгой санкцией» [2, с. 69].

Сложности имеют место при разграничении смежных составов преступлений, предусмотренных ст. 159.1 и ст. 176 УК РФ, поскольку, обе нормы предполагают кредитный обман. В качестве предмета преступления в указанных нормах выступает кредит, кроме того, данные преступления могут быть совершены аналогичным способом – путем предоставления заведомо ложных сведений. Отличие данных составов преступлений характеризуется наличием либо отсутствием цели хищения и причинения прямого материального ущерба. Если лицо намеревалось исполнить обязательства по договору, но предоставило заведомо ложные сведения с целью избежать отказа в получении кредита, к примеру, на условиях льготного кредитования (но, без цели хищения), то деяние должно быть квалифицировано по ст. 176 УК РФ.

Если же у субъекта при получении кредита умысел был направлен на невозвращение кредитных средств, то содеянное подлежит квалификации как обманное хищение. Вместе с тем, при возникновении умысла на невозврат кредита в процессе исполнения кредитных обязательств, – признаки мошенничества также отсутствуют. И, поскольку, кредитор не получает возврата кредитных средств, деяние при наличии соответствующих признаков

может быть квалифицировано как злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ).

Следует обратить внимание на проблему толкования терминов, употребляемых в диспозициях уголовно-правовых норм об ответственности за специальные виды мошенничества. Так, в диспозиции ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат» в качестве предмета преступления содержится указание на денежные средства и иное имущество. Понятие «выплата» согласно семантике русского языка означает осуществление денежных отчислений, то есть, к выплатам не может быть отнесено имущество. Представляется целесообразным внести коррективы в название и в диспозицию данной статьи, исключив из них термин «выплаты» и сформулировать название статьи, к примеру, как «Мошенничество в сфере социального обеспечения». Также в диспозиции данной нормы во избежание противоречий в процессе квалификации следует отказаться от перечисления видов социальных выплат, поскольку их исчерпывающий перечень в рамках уголовного закона изложить невозможно, и законодатель вынужден прибегать к использованию обобщающей, оценочной формулировки [30, с. 12].

Отграничение статьи 159.2 от статьи 159.5 УК РФ, касающейся мошенничества в страховой сфере, вызывает определенные трудности при квалификации. В соответствии с Законом Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 года № 4015-1, также предусматривается возможность получения различных выплат. Важно отметить, что страхование в России может быть как обязательным, так и добровольным. Обязательное страхование устанавливается в силу закона и законодательно регулируется, в таком случае страховые фонды формируются за счет государства, и выплаты, соответственно, носят социальный характер. К примеру, согласно Федеральному закону «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 № 167-ФЗ в качестве страховщика

выступает Пенсионный Фонд Российской Федерации, являющийся государственным учреждением [32, с. 77].

Выплаты же по добровольному страхованию производятся не из государственных средств, и поэтому социальными не признаются. Таким образом, если субъект совершает мошеннические действия в сфере обязательного страхования, т. е. обманным путем получает социальные выплаты, его действия подлежат квалификации по ст. 159.2 УК РФ. Следует отметить проблему разграничения ст. 159.3 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в связи с тем, что предметом хищения в обоих составах согласно указанию уголовного закона выступают электронные средства платежа. Ст. 159.3 по отношению к ст. 158 УК РФ выступает в качестве смежной нормы. В частности, законодатель предусматривает применение п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ только в случае, если содеянное не содержит признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ. Разграничение данных составов преступлений проводится в зависимости от способа хищения.

Способ совершения преступления по смыслу ст. 159.3 УК РФ предполагает введение в заблуждение потерпевшего (или его представителя), в том числе сотрудника банка или иной кредитной организации о наличии у субъекта правомочий на использование электронного средства платежа или относительно его подлинности. «Пункт. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ подлежит применению, если лицо не использовало обман ни при изъятии имущества потерпевшего с помощью электронных средств платежа, ни для получения возможности произвести такое изъятие. Например, когда злоумышленник посредством удаленного управления банковским счетом или банкоматом, осуществляет перевод безналичных денежных средств с банковского счета потерпевшего на свой счет» [25, с. 18].

Также следует отметить вопрос о совокупности преступлений, возникающий в связи с тем, что специальные виды мошенничества реализуются посредством способов, составляющих отдельные составы преступлений. Так, в диспозиции ст. 159.6 УК РФ законодатель

предусматривает признаки преступлений в сфере компьютерной информации (ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации, иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей). То есть, анализируемая уголовно-правовая норма пересекается с компьютерными преступлениями по признакам «блокирования, модификации компьютерной информации», а такой признак ст. 159.6 УК РФ, как «удаление» компьютерной информации, можно трактовать как аналог «уничтожения» компьютерной информации (о чем говорится в ст. ст. 272-274.1 УК РФ) [33, с. 162].

В диспозиции ст. 159.6 УК РФ также содержится указание на такой способ совершения мошенничества, как «вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей». Представляется, что данный способ аналогичен способам таких составов компьютерных преступлений (гл. 28 УК РФ), как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и окончного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям (ст. 274 УК РФ). В данном случае согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» требуется дополнительная квалификация по ст. ст. 272 и 273 УК РФ. По ст. 247.1 УК РФ также необходима дополнительная квалификация, т. к. в данном составе предусмотрен такой объект посягательства, как критически важная информационная инфраструктура, что сферой действия ст. 159.6 УК РФ не охватывается.

Проведенный анализ дискуссионных вопросов квалификации уголовно-правовых норм об ответственности за специальные виды мошенничества свидетельствует о том, что казуистический подход при конструировании

составов мошенничества, связанный с выделением из общей нормы мошенничества специализированных норм, обусловил возникновение множества законодательных противоречий, требующих устранения. Несмотря на принятое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», не все спорные моменты толкования специальных норм мошенничества были устранены. Включение в УК РФ специальных уголовно-правовых норм об ответственности за мошенничество зачастую вызывает неправильную квалификацию обманных хищений, поскольку избыточность дифференцированных норм об ответственности за мошенничество породило проблему их конкуренции, закономерно возникли сложности в процессе правоприменительной деятельности, что, в конечном итоге нередко влечет нарушение прав [35, с. 100].

Специалисты в области уголовного права активно изучают критерии для определения хищений электронных финансов, особенно удаленных мошеннических схем. Такой научный интерес вызван уникальными характеристиками этих преступлений. При этом, научный и политический дискурс не ограничивается только юридическим статусом денег на счетах в банках, платежных системах или играх. В настоящее время не теряет своей актуальности одна из ключевых проблем, состоящая в определении места совершения «дистанционных» преступлений. Российское законодательство не дает прямого ответа, но местоположение имеет значительное практическое значение, влияя на применение уголовного закона и территориальную подсудность. Это также важно для определения компетенции суда в пределах России и за ее пределами. Вопросы экстерриториальности остаются открытыми для дальнейшего анализа.

Уголовно-процессуальное законодательство требует доказательства места совершения преступления в суде. Неопределенность этого аспекта может привести к возвращению дела прокурору, как и подчеркивается в судебной практике. Например, Московский городской суд отмечает, что без

точного определения места совершения невозможно вынести законное судебное решение, что может нарушить права обвиняемого [27, с. 67].

До конца 2022 года Верховный Суд РФ не уточнял, как следует определять место хищения электронных средств. Вследствие этого нижестоящие суды, следуя Конституционному Суду РФ, начали считать местом преступления локацию, где был открыт счет потерпевшего. Верховный Суд Дагестана подчеркнул, что хищение безналичных средств считается завершённым после их изъятия со счета, независимо от местоположения обвиняемого во время транзакции. Суд указал, что место преступления – это банк, с которого были сняты средства, а последующие действия обвиняемого, направленные на скрытие преступления, не влияют на определение места совершения преступления. Эта точка зрения получила поддержку в уголовно- правовой науке [37, с. 12].

А.В. Архипов в своем исследовании уточнил, что именно изъятие имущества и его присвоение составляют сущность хищения, определяя место преступления как место его окончания [40, с. 78]. Ю.В. Павлюченко подчеркнул, что действия виновного должны учитывать не только непосредственные действия, но и последствия этих действий [9, с. 657].

Долгое время российские судебные органы считали, что местом совершения хищения безналичных средств является местоположение банка, в котором открыт соответствующий счет. Однако этот подход не учитывал, откуда именно осуществлялось управление преступными действиями. Разнообразие мнений по этому вопросу привело к появлению альтернативных методов определения места преступления. Среди них рассматривались такие варианты, как адрес владельца счета, местонахождение платежных терминалов, местопребывание подозреваемого или место, где были обнаружены следы преступления. Последние тенденции в судебной системе указывают на различие между моментом завершения преступления и местом его совершения, что не влияет на юрисдикцию. Суды начали рассматривать место преступления в отдельности от его последствий, опираясь на

законодательство, связывающее время и место преступления. Место, где были совершены преступные действия или бездействия, теперь признается местом совершения преступления, подходя под определение мошенничества через обман или злоупотребление.

Изменения, внесенные Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума № 38 от 15 декабря 2022 года (далее – Постановление № 38), уточнили, что место хищения безналичных средств чаще всего связано с местом действий, влекущих за собой обман или злоупотребление. Так Верховный Суд подчеркнул важность обмана или злоупотребления в определении места преступления, а не факта изъятия имущества [2, с. 67]. Тем не менее, фраза «как правило», оставляющая возможность для правовой трактовки, не характерна для указаний Верховного Суда, цель которых – унифицировать правоприменение. В прошлых юридических актах такая формулировка не использовалась, что может привести к дискуссиям при решении вопросов о месте совершения мошенничества с безналичными средствами. Мы убеждены, что причиной для корректировок в тексте решения Пленума стали чисто технические моменты. Взгляды местных правоохранителей на установление места преступления часто не соответствовали технологическому контексту. К примеру, суд отметил невозможность определения места преступления согласно ранее зафиксированной методике в решении Пленума, так как средства были получены одновременно в различных расположениях банка.

Даже с учетом нового подхода, предложенного Верховным Судом Российской Федерации, его нельзя считать универсальным для всех случаев мошенничества. Особенно это касается мошенничества, связанного с компьютерной информацией (статья 159.6 Уголовного кодекса РФ), где отсутствует важный элемент – обман или злоупотребление доверием. Способ изъятия средств, описанный в статье, обычно скрыт от жертвы. Возникает вопрос, как трактовать место совершения такого деяния с учетом новых разъяснений. Вероятно, подход, изложенный в пункте 19 Постановления № 38,

применим ввиду технической схожести процессов, позволяя рассматривать местом преступления ту локацию, где преступник совершал действия, составляющие преступление [39, с. 22].

Вопрос о том, как действовать в ситуациях, когда мошенничество происходит на борту самолета или поезда, остается открытым. Полагают, что Верховный Суд осознавал недостаточность своего подхода и поэтому использовал выражение «как правило», предоставляя судам возможность самостоятельно решать, где считать место преступления в сложных случаях. В процессе обсуждения Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», который был одобрен 30 ноября 2017 года [3], предложено было переформулировать пункт 6 таким образом, чтобы местом совершения деяния, квалифицируемого как мошенничество с безналичными денежными средствами, считалась локация, где фигурировало лицо, совершающее обманные действия против владельца имущества или иную персону, либо вовлекающее в процесс вмешательства в системы хранения, обработки, передачи данных или инфраструктуры информационно-телекоммуникационных сетей. Это предложение было направлено на то, чтобы не связывать место совершения преступления с местоположением банковских учреждений или их филиалов, а также других организаций, через которые осуществлялись безналичные платежи, независимо от их регистрации или фактического расположения. Такой подход должен был служить основанием для судов при определении территориальной подсудности дел. В ситуациях, когда установить место производства обманных действий невозможно, подсудность устанавливается по месту обнаружения преступления.

Изучение судебного применения показывает, что не все юридические инстанции следуют принципу Пленума о том, что преступление считается совершенным там, где были выполнены обманные действия. Например, Хабаровский краевой суд решил передать дело в Благовещенский городской суд из-за местоположения банковских отделений, с которых были

осуществлены мошеннические операции, игнорируя аргументы обвиняемого о его нахождении в Хабаровске. Судебное решение отражает важность места проведения следственных действий и потенциально увеличивает эффективность расследования, избегая задержек, связанных с вызовом свидетелей. Верховный Суд РФ, учитывая различные аспекты места преступления и стремясь улучшить процесс, может указывать на несколько мест, связанных с механизмом обмана, для наиболее эффективного судебного разбирательства, что также наблюдается в практике [41, с. 80].

Курганский городской суд пояснил, что для определения места совершения мошенничества с безналичными средствами нужно учитывать действия обвиняемых, направленные на их неправомерный захват. Однако в рассматриваемом случае место преступления было установлено нечетко, что привело к возвращению дела прокурору, поскольку суд не мог определить свою подсудность. Пленум Верховного Суда РФ уточнил, что при дистанционных мошенничествах место совершения преступления связано с действиями обмана или злоупотребления доверием, что влияет на определение подсудности. Так, если мошенничество совершено в одном городе в отношении жертвы из другого города, и деньги переведены в третий город, расследование и судебное разбирательство должны проходить в городе, где были совершены обманные действия. Подводя итоги настоящего исследования, отметим, что изменения в технологической среде требуют адаптации правовых норм и практик, что особенно заметно на примере определения места совершения мошенничества. Несмотря на попытки Верховного Суда РФ уточнить подходы к определению места преступления, существуют сложности, связанные с дистанционными видами мошенничества, которые не всегда объясняются при помощи традиционного инструментария уголовного права. В ситуациях, когда преступление совершается в условиях цифровой реальности, важно не только место физических действий преступника, но и территория, на которой наступили общественно опасные последствия. Полагаем, что рассмотренный в

настоящем исследовании подход оставляет простор для самостоятельного определения судами места преступления в сложных случаях, что отражает понимание неполноты универсальных решений и важности детального анализа обстоятельств каждого конкретного случая.

3.2 Совершенствование правовой регламентации ответственности за хищение чужого имущества или приобретения права на него путем обмана

Современное общество и государство тесно связаны с глобальными социально-экономическими процессами, среди которых информатизация занимает одно из центральных мест. Информационные системы, внедряемые в различных областях, оказывают значительное воздействие на все аспекты правоотношений, включая банковскую сферу. «Применение современных информационных технологий в банковской сфере способствует значительному повышению качества, объёма, условий и скорости предоставления услуг. Однако, развитие дистанционного банковского обслуживания и перевод значительной части финансовых операций в виртуальное пространство, наряду с облегчением финансового оборота, создаёт благоприятные условия для активизации криминальных структур и возникновения новых способов совершения преступлений» [1, с. 2].

«Составы некоторых видов преступлений, закрепленных в УК РФ, не вызывают сложности в квалификации, однако, следует выделить ряд дискуссионных вопросов с точки зрения квалификации как в теории, так и на практике. Несмотря на существенную степень изученности таких преступлений как хищения, при их квалификации правоприменитель может столкнуться с различными затруднениями» [3]; [4].

В зависимости от конкретных обстоятельств, присвоение чужих денежных средств с использованием банковской карты может быть квалифицировано как мошенничество с применением электронных средств

платежа согласно ст. 159.3 УК РФ, либо как кража с банковского счета, включая электронные деньги, в соответствии с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Когда человек, незаконно завладевший платежной картой, предъявляет её, чтобы создать видимость законного владения, и скрывает факт её неправомерного использования, это является обманом, применяемым при совершении преступления. Если у нарушителя нет карты или представитель торговой организации обладает достоверной информацией о владельце карты, то оплата чужой картой через терминал становится невозможной. Таким образом, обманув сотрудника торговой точки, злоумышленник незаконно получает доступ к денежным средствам с чужого счета [42, с. 12].

«В обоснование данных высказываний можно привести множество ранее изданных научных публикаций, в которых авторы ставят под сомнение обоснованность анализируемой судебной практики, где лицо сознательно вводит персонал торговой или сервисной организации в заблуждение, заключающееся в неправильном представлении о сделке как раз теми действиями, которые не описываются в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (он незаконно завладевает денежными средствами потерпевшего путем снятия с расчетного счета, вводя работника соответствующей организации в заблуждение относительно принадлежности электронного платежного инструмента преступнику). При этом учитывается обоюдная обязанность в доверии каждой стороны в чистоте и законности совершаемой сделки» [5, с. 79].

«Невозможно не выразить солидарность с позицией, изложенной в определении Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации № 12-УДП20-5-К6 от 29.09.2020 г., согласно которой суждение о том, что уполномоченные лица торговых и иных организаций не принимали участия в совершении данного противоправного действия, является неверным ввиду того, что доступ к платежному терминалу для совершения действий по оплате открывается уполномоченным представителем торговой компании» [6, с. 39].

В таких случаях кассир, опираясь на ложную информацию о легитимности владельца карты, позволяет ему совершать операции с чужим банковским счетом. Затем кассир способствует снятию средств с законного владельца счета и переводит их третьей стороне, в данном случае самому кассиру [43, с. 9].

Данные действия подпадают под действие пункта 1 постановления Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, краже и присвоении имущества». В этом постановлении описывается, как может быть похищено имущество или незаконно присвоены права на чужое имущество путем мошеннических действий, часто связанных с обманом или злоупотреблением доверием, в результате чего настоящий собственник не может предотвратить хищение или несанкционированную передачу своего имущества.

Необходимо учитывать позицию Конституционного Суда РФ, который подчеркивает важность следования постановлениям Пленума Верховного Суда РФ. В частности, в пункте 3.4 Постановления № 1-П от 21 января 2010 года указано, что суды нижестоящих инстанций должны руководствоваться разъяснениями законодательных норм, предоставленными высшими судебными органами. На основе этого, при вступлении в силу Федерального закона от 23 апреля 2018 года № 111, Пленум Верховного Суда РФ мог бы внести изменения для формирования новых подходов к квалификации рассматриваемых преступлений, однако этого не произошло.

«Правонарушения, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 159.3 УК РФ, являются преступлениями небольшой и средней тяжести. Оценка и отнесение общественно опасных деяний к различным категориям тяжести имеет решающее значение и обуславливает важнейшие правовые последствия, в частности: вид рецидива преступлений (ст. 18 УК РФ), вид исправительного учреждения при назначении наказания в виде лишения свободы (ст.58 УК РФ), зачет наказания при назначении лишения свободы (ст.72 УК РФ) и т.д» [7, с. 147].

«Судебная практика по делам о хищении денежных средств путем оплаты товаров лицом, не имеющим права на распоряжение ими, не соответствует степени общественной опасности такого деяния и, как следствие, является некорректной» [7, с. 147]. «Более того, подобные преступления зачастую совершаются лицами, ранее осужденными судом условно с испытательным сроком за кражу в размере, незначительно превышающем 2500 рублей. Согласно пункту «б» части 1 статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) применение условного осуждения к назначенному наказанию невозможно в случае совершения лицом в период испытательного срока тяжкого преступления. Таким образом, сложившаяся судебная практика демонстрирует очевидное нарушение уголовно-правового принципа справедливости, закрепленного в статье 6 УК РФ, поскольку не обеспечивает адекватной реакции на совершение тяжкого преступления лицами, ранее осужденными условно» [18, с. 46].

В случае, когда общественно опасные деяния квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, вменение ст. 159.3 УК РФ будет затруднительно с точки зрения существующих правил квалификации подобных деяний.

«В научной литературе высказана точка зрения, согласно которой введение в заблуждение путем обмана или злоупотребления доверием, состоящие в оплате товаров чужой банковской картой, можно квалифицировать по ст. 159.3 УК РФ» [8, с. 43].

Профессор П.С. Яни придерживался мнения, что в ч. 1 ст. 158 УК РФ содержится необычное условие для квалификации преступления, которое можно было бы сравнить с отсутствием признаков мошенничества. Тем не менее, это положение не исключает возможности применения ст. 159.3 УК РФ в случаях, когда банковская карта используется обманным путем для воздействия на человека, введенного в заблуждение, который передает имущество или не сопротивляется его изъятию.

«При анализе представленных материалов важно обратить внимание на спорность утверждения, содержащегося в комментарии к законопроекту. В нем говорится, что рассматриваемый метод совершения преступления может быть использован не только для доступа к банковским счетам, но и к другим защищенным данным. Однако это утверждение не может служить основанием для ужесточения уголовной ответственности за кражу, так как усиление ответственности должно быть направлено на защиту конкретного объекта посягательства, а не на возможность применения метода к другим защищенным объектам. В то же время стоит согласиться с аргументом, изложенным в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)», который подчеркивает повышенную общественную опасность удаленного доступа к индивидуальной электронной платежной системе, используемого в качестве способа хищения» [9, с. 78].

«Таким образом, на основании исследования в третьей главе, мы пришли к выводу о том, что в настоящее время в законодательстве и правоприменительной практике отсутствуют четкие критерии разграничения кражи с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) и мошенничества с применением электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) в силу схожести предмета посягательства, средств и способа совершения преступления. Решения этих квалификационных проблем возможно за счет исключения из Уголовного кодекса Российской Федерации составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ и дополнение его новой статьей под названием «Хищение с использованием информационных технологий». Исходя из названия следует, что оно объединяет в себе все формы хищения по признакам и способам их совершения» [10, с. 54].

В заключение важно подчеркнуть, что вышеуказанные факторы требуют всестороннего анализа технических и юридических сложностей преступлений, описанных в пункте «г» части 3 статьи 158 и статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, крайне важно тщательно оценить, как эти положения применяются на практике, чтобы обеспечить точную квалификацию соответствующих деяний [44, с. 88].

Преступления, связанные с мошенничеством, определяются определенными признаками, установленными в частях 2, 3 и 4 статьи 159 УК РФ, в том числе: преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору, или действия, причинившие значительный ущерб лицу. Под значительным ущербом понимается ущерб, превышающий месячный доход соответствующего лица с учетом его материального положения, при этом минимальный порог составляет 2500 рублей. Другими квалифицирующими факторами являются неправомерные действия лица, злоупотребляющего своим служебным положением или совершившего мошенничество в крупном размере, когда ущерб превышает 250000 рублей. Наконец, мошенничество, совершенное группой лиц, либо в особо крупном размере, либо повлекшее нарушение права человека на проживание, также считается тяжким преступлением.

Заключение

Подведем итоги данной работы. Хищение – это умышленное противоправное завладение чужим имуществом, совершенное с целью его присвоения или распоряжения им как своим собственным.

Основные признаки хищения:

- умышленность: действия лица, направленные на завладение имуществом, должны быть осознанными и желаемыми.
- противоправность: действия должны нарушать установленные законом правила и порядок, касающиеся владения и распоряжения чужим имуществом.
- завладение: лицо должно фактически получить контроль над чужим имуществом.
- предмет хищения должен принадлежать другому лицу, а не самому виновному.
- цель хищения заключается в том, чтобы виновный получил возможность пользоваться имуществом, как если бы оно принадлежало ему.

От действий мошенников в различных сферах общественной жизни пострадали десятки тысяч граждан, у банков похищены десятки миллиардов рублей, у частных лиц, у юридических лиц. Сложившаяся ситуация и плохая раскрываемость мошеннических схем представляет угрозу подрывая доверие населения к правоохранительным органам.

Мошенничество не только нарушает установленный государством порядок приобретения юридических прав на имущество, но и причиняет материальный ущерб владельцу, что в свою очередь негативно сказывается на экономике. Поэтому можно говорить о том, что данное деяние представляет собой общественную опасность.

Как известно, до 2012 года уголовно-правовая норма, регулирующая ответственность за мошенничество, содержалась в рамках одной статьи

(ст. 159 УК РФ), после чего уголовная ответственность за мошенничество была разграничена в зависимости от отрасли (сферы) совершения обманного хищения и предусмотрена в специальных нормах (ст. ст. 159-159.6 УК РФ). Относительно данного законодательного хода позиции в доктрине и на практике разделились. Некоторые ученые утверждают, что эффективность реализации уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 159 УК РФ (до выделения из нее специализированных норм об ответственности за мошенничество) была гораздо выше.

Сложности имеют место при разграничении смежных составов преступлений, предусмотренных ст. 159.1 и ст. 176 УК РФ, поскольку, обе нормы предполагают кредитный обман. В качестве предмета преступления в указанных нормах выступает кредит, кроме того, данные преступления могут быть совершены аналогичным способом – путем предоставления заведомо ложных сведений. Отличие данных составов преступлений характеризуется наличием либо отсутствием цели хищения и причинения прямого материального ущерба. Если лицо намеревалось исполнить обязательства по договору, но предоставило заведомо ложные сведения с целью избежать отказа в получении кредита, к примеру, на условиях льготного кредитования (но, без цели хищения), то деяние должно быть квалифицировано по ст. 176 УК РФ.

Несанкционированное использование чужих денежных средств с помощью банковской карты в зависимости от конкретных деталей дела может быть квалифицировано либо как кража с банковского счета или электронных денежных средств в соответствии с пунктом «ж» части третьей статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо как мошенничество с использованием электронных средств платежа в соответствии со статьей 159.3 того же Кодекса.

Однако важно понимать, что недавнее толкование Верховного суда РФ может быть применимо не ко всем видам мошенничества. В частности, мошенничество с использованием компьютерной информации, описанное в

статье 159.6 Кодекса, может не содержать существенных элементов обмана или злоупотребления доверием, что может потребовать иного правового подхода. Способ изъятия средств, описанный в статье, обычно скрыт от жертвы. Возникает вопрос, как трактовать место совершения такого деяния с учетом новых разъяснений. Вероятно, подход, изложенный в пункте 19 Постановления № 38, применим ввиду технической схожести процессов, позволяя рассматривать местом преступления ту локацию, где преступник совершал действия, составляющие преступление.

Применение современных информационных технологий в сфере банковской деятельности обуславливает существенное повышение качества, объема, условий и скорости оказываемых услуг. Вместе с тем, внедрение дистанционного банковского обслуживания и перенос значительной части денежных операций в виртуальную среду, помимо упрощения финансовых операций, создает благоприятные условия для активизации криминальных структур и способствует появлению новых видов преступлений.

В настоящее время как в законодательстве, так и в правоприменительной практике отсутствуют четкие ориентиры для разграничения кражи с банковского счета, предусмотренной пунктом «ж» части 3 статьи 158 УК РФ, и мошенничества с использованием электронных платежных инструментов, предусмотренного статьей 159.3. Такая неоднозначность обусловлена схожестью объектов этих преступлений, а также способов и средств, используемых для их совершения.

Для решения данной проблемы юридической классификации мы предлагаем исключить из Уголовного кодекса положения пункта «г» части 3 статьи 158 и статьи 159.3. Вместо них мы предлагаем ввести новую статью «Кража с использованием информационных технологий». Новая статья призвана объединить все формы хищений, имеющие схожие признаки и методы, и тем самым создать более стройную правовую базу.

Список используемых источников и используемой литературы

1. Абдульмянова Т.В., Асанова И.П., Данилов В.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ): понятие, уголовно-правовая характеристика и некоторые особенности расследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1. С. 134-145.
 2. Агафонов А.В., Куричков Д.О. Обязательные признаки субъективной стороны преступлений против собственности как основа их дальнейшей классификации и идентификации // Юридическая наука. 2024. № 3. С. 78-88.
 3. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 15.07.2021 по делу № 22-3287/2021 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
 4. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 29.10.2020 по делу № 22-1291/2020 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
 5. Аникиец Е.А. Возможности использования специальных знаний при выявлении, расследовании преступлений в сфере использования банковских платежных средств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (39). С. 316-326.
- Архипов А.В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Л.М. Прокументова. - М. : Юрлитинформ, 2022. 298 с.
6. Архипов А.В. История развития законодательства об ответственности за мошенничество в России // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 39. С. 12-21.
 7. Бардик И.А. Механизмы совершения преступлений с использованием банковских платежных средств // Инновационные технологии в современных научных исследованиях: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции. 2022. № 4. С. 34-44.

8. Бугрова Е.Г. Особенности мошеннических действий с использованием системы быстрых платежей // Проблемы совершенствования законодательства на современном этапе. 2022. № 3. С. 114-125.

9. Гомонова О.А., Иванов С.А. Телефонное мошенничество как комплексная социальная проблема // Социология и право. 2024. Т. 16. № 1. С. 38-47.

10. Гончаров А.А. Разграничение смежных составов хищения денежных средств с банковской карты // Наукосфера. 2021. № 4. С. 301-306.

11. Егошина Г.А. О некоторых вопросах уголовной ответственности за хищения денежных средств с банковского счета // Марийский юридический вестник. 2021. № 4 (36). С. 42-46.

12. Залескина, А.Н. Особенности установления субъективной стороны мошенничества // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6 (9). С. 91–95.

13. Карпачева, Т.В. Хищения: понятия и виды // Актуальные проблемы права глазами молодёжи: Сборник статей и докладов круглого стола, Орёл, 20 ноября 2023 года. Орёл : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. С. 107-113.

14. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2024 по делу № 77-309/2024 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

15. Каякина Д.Н. Уголовно-правовой механизм противодействия мошенничеству в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ) // Юридический факт. 2020. № 117. С. 9-17.

16. Копыл Ю.А. История развития отечественного законодательства об ответственности за мошенничество // Вестник Челябинского государственного университета правосудия. 2019. № 31. С. 1-9.

17. Кузько Е.С. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования в России и за рубежом // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сборник статей 11-й

Международной научно-практической конференции, Курск, 24-25 июня 2021 года. Курск : Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал. 2021. С. 272-275.

18. Крохин Р.И. Проблемы квалификации налогового мошенничества в уголовном праве // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 3А. С. 189-196.

19. Лазовский Д.С. Становление и развитие российского и зарубежного законодательства об ответственности за мошенничество в сфере страхования // Вестник магистратуры. 2024. № 1-2 (148). С. 59-69.

20. Лебедева А.Ю. Правовые основы борьбы с телефонным мошенничеством // Перспективы развития науки в современном мире: сб. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 20 марта 2020 г.). Уфа : НИЦ Вестник науки, 2020. С. 61-65.

21. Леонов, А. И. Типичные схемы и способы совершения мошеннических действий // Актуальные проблемы использования специальных знаний при выявлении и доказывании экономических преступлений: Сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 12 декабря 2023 года. Нижний Новгород : ООО «Стимул-СТ». 2024. С. 193-196.

22. Магера И.В., Майорова Л.В. Проблемы мошенничества при использовании дистанционного банковского обслуживания // Современные тенденции и инновации в науке и производстве: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т.Н. Гвоздкова, С.О. Марков и др. Кемерово : Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2023. С. 246-256.

23. Медведева Д.А. Сравнение составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ // Молодой ученый. 2021. № 48 (390). С. 294-297.

24. Миллерова Е.А. К вопросу о предмете хищения в уголовном праве // Транспорт: наука, образование, производство: Сборник научных трудов

Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 20-22 апреля 2020 года. Том 4. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2020. С. 268-271.

25. Моиссеев Н.А. Исторический и правовой аспекты становления и развития понятия «Мошенничество» // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 1. С. 31-37.

26. Мочалова О.С. Телефонное мошенничество: некоторые правовые проблемы привлечения виновных к ответственности // Студенческий вестник. 2022. № 46-5. С. 9-13.

27. Новикова А.И. К вопросу о субъективных признаках мошенничества // Молодой ученый. 2021. № 53 (395). С. 103-107.

28. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2021 г. (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г.) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

29. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023 № 77–5/2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

30. Определение Верховного Суда РФ от 22.12.2021 № 223-УД21-19-К10 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

31. Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Владивосток, 2022. 26 с.

32. Памятка по профилактике преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://krbor.ru/4622-pamyatka-po-profilaktike-prestuplenij-sovershennykh-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnykh-tekhnologij> (дата обращения: 29.11.2024).

33. Попова А.О. Некоторые проблемы расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских платежных средств // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. №7. С. 389-397.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 38 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. 2022. 28 декабря.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

37. Приговор Выборгского городского суда г. Санкт-Петербурга от 30.08.2019 по делу № 1-486/2019 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

38. Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 23.08.2021г. по делу 1-3678/2020 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

39. Савченко М.М. Квалификационные ошибки применения ст. 159.3 и П. «г» Ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса РФ // Право и практика. 2022. № 3. С. 138-141.

40. Смоляков А.Н. Техника квалификации имущественных преступлений, совершаемых в отношении электронных денежных средств и денежных средств на банковском счете // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе. 2021. № 10. С. 227-238.

41. Степанов П. П. Об интеллектуальной собственности как о предмете мошенничества // Уголовное право. 2022. № 1 (137). С. 55-64.

42. Сердюкова Е.В. Пути совершенствования уголовного законодательства и следственно-судебная практика по делам о мошенничестве // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества: сборник статей по материалам IV Национальной заочной научно-практической конференции. Ставрополь : Фабула, 2022. С. 324-331.

43. Степанов М.В. Оценка эффективности отдельных направлений уголовно-правовой политики противодействия преступлениям против собственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 67-76.

44. Тысько А.С. Генезис понимания мошенничества в российском уголовном законодательстве // Молодой ученый. 2022. № 22 (417). С. 404-409.

45. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

46. Цветков И.А. Преступления, совершаемые с использованием системы быстрых платежей // Проблемы юридической науки. 2022. № 12. С. 78-86.

47. Шугалей П.Б. Соотношение составов мошенничества, предусмотренного статьей 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, и кражи с банковского счета // Научный компонент. 2021. № 2 (10). С. 45-53.

48. Щавелева Н.Н. Понятие и сущность хищения // Молодой ученый. 2021. № 11 (353). С. 127-129.

49. Эмиров М.Р. Субъективные признаки хищения чужого имущества как уголовно-правовой категории // Студенческий вестник. 2024. № 19-9 (305). С. 30-32.

50. Юрова О.В. Проблемы квалификации преступлений, связанных с хищением электронных денежных средств // Право и общество. 2022. № 1 (6). С. 27-30.

51. Яни П.С. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине следует квалифицировать как мошенничество // Законность. 2020. № 12. С. 39-43.

52. Яшина Д.Д. Историческая ретроспектива становления уголовной ответственности за мошенничество в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2024. № 1(45). С. 61-65.

53. Cai Y., Zhu D. Fraud detections for online businesses: a perspective from blockchain technology [Электронный ресурс]: Financial Innovation. 2016. vol. 2. No. 1. 10 p. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1186/s40854->.(дата обращения 11.09.2024).

54. Grechkina Y.V., Klishina Y.E. Fraud in the insurance industry [Электронный ресурс]: Современные тенденции в науке и образовании: материалы междунар. науч.-практ. конф. София: Мир науки, 2019. С. 126-130. URL: http://science-peace.ru/files/STNO_2019.pdf#page=126 (дата обращения 14.08.2024).

55. Iugan A.V. Particularities of civil action in the case of fraud by bank credit contracts [Электронный ресурс]: Challenges of the Knowledge Society. 2019. Pp. 95-100. URL: <https://search.proquest.com/openview/0b7f4a1ddbcfd468> (дата обращения: 05.09.2024).

56. Karpoff J.M. The future of financial fraud [Электронный ресурс]: Journal of Corporate Finance. 2020. Vol. 62. 11 p. URL: [https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S09](https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S09102https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S09) (дата обращения 22.09.2024).

57. McNamee L. Procurement fraud. [Электронный ресурс]: Economic Crime Forensics Capstones. 2016. Iss. 12. 32 p. URL: <https://digitalcommons.lasalle.edu/cgi/viewcontent.cg>. (дата обращения 26.08.2024).